

Цена отдельного номера — 1 рубль 50 коп.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНИЕМ МАРКСИЗМА

10-й год издания

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского И. В.,
Митина М. Б., Нолынина Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборин А. И.,
Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНИЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксистско-ленинизма, ведет решительную борьбу за генеральную линию партии против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всех своих работах ленинские принципы партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНИЕМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта: с механистической разновидностью марксизма как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой ст. Деборина, Чука, Степы и др.

Более всего ведущий создатель «ПОД ЗНАМЕНИЕМ МАРКСИЗМА» является действительное выполнение намеченной для него Ленинским программой, разработка ленинского плана развития диалектического материализма, обострение критики всех антиленинских и «следовательно», антиленинских уклонов в философии, общественных и естественных науках, они не маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНИЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию и методологическую диалектику, вопросы исторического материализма в их связи с практикой социалистического строительства и мировой революции.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНИЕМ МАРКСИЗМА» обединяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, сконцентрировавшихся большинством выдающиеся философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНИЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, история материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической эзотерики, статьи по теории советского хозяйства, история социализма, вопросы литературы и искусства в материалистическом освещении, психология и изобразительное искусство, диалектика и естествознание, антирелигиозный отдел, искусственный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, обозрения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНИЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комбусов, вузов, рабфаков, художественных кружков, говорицей, занимающихся самообразованием и т. п.

Подписная цена:

На 1 мес.—1 р. 25 к., на 3 мес.—3 р. 75 к., на 6 м.—7 р. 50 к., на 12 м.—11 р.

Цена отдельного номера — 1 р. 50 к.

Подписка принимается на почте, письменноописами и уполномоченными по подписке при агентствах ВКП(б).

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНИЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 4-5

АПРЕЛЬ—МАЙ

Книжный магазин

Издание газеты „ПРАВДА“
МОСКВА 1931

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая.—Колхозное крестьянство как центральная фигура нашего земледелия

Г. Плеханов. Об «экономическом факторе»

А. Таксер.—К впервые публикуемой статье Г. В. Плеханова «Об экономическом факторе»

Т. Ищенко.—Критика бухаринской теории классов и классовой борьбы и вопроса о классах СССР

Л. Аристин.—Против одной оппортунистической ревизии исторического материализма

И. Каплан.—Рязановщина и военное дело

Л. Чеснис.—Основные элементы материалистической философии Гассенди

Б. Чедимшев.—Современный идеолог фашизма (Джованни Джентile)

И. Вайнштейн.—Закономерности переходной экономики. План как закономерность

З. Атлас.—Кредитный романтизм в золотых тисках

И. Альтер.—Борьба за наследство

Б. Нодельман.—Роза Люксембург в германской революции 1918 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. Батищев.—Образец идеалистической ревизии марксизма. (По поводу книги Т. Тымлянского «Введение в диалектический материализм»)

С. Балезин и Б. Кедров.—Против пропаганды идеализма в химии

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

НЕ ЗАБУДЬТЕ,

что подпись на „ПОД-ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“ принесет почтой только до определенного срока: в Москве—до 15-го числа перед подписным месяцем, в провинции—до срока установленных местной почтой.

Подпись, сделанная после определенных сроков, будет напоминать только на конвертной лин-

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

АПРЕЛЬ—МАЙ

№ 4—5

1931

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Колхозное крестьянство, как центральная фигура нашего земледелия (1). Г. Плеханов — Об «экономическом факторе» (14). А. Таксер — К впервые публикующей статье Г. В. Плеханова «Об экономическом факторе» (45). Т. Ищенко — Критика бухаринской теории классов и классовой борьбы и вопроса о классах в ОССР (6). Л. Аристин — Против одной оппортунистической ревизии исторического материализма (76). И. Каплан — Рязановщина и военное дело (89). Л. Чеснис — Основные элементы материалистической философии Гассенди (119). Б. Чернышев — Современный идеолог фашизма (Джованни Джентile) (133). И. Вайнштейн — Закономерности переходной экономики. План, как закономерность (168). З. Атлас — Кредитный романтизм в золотых тисках (177). И. Альтер — Борьба за наследство (211). Б. Нодельман — Роза Люксембург в германской революции 1918 г. (227). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. С. Батищев — Образец идеалистической ревизии марксизма (По поводу книги Т. Тымлянского «Введение в диалектический материализм») (238). С. Балезин и Б. Кедров — Против пропаганды идеализма в химии (251).

Колхозное крестьянство как центральная фигура нашего земледелия.

I.

Не только партийные съезды или конференции, но за последние годы и каждый пленум Центрального комитета нашей партии представляют собой важнейшие этапы в развертывании строительства социализма и приобретают тем самым крупное историческое значение. Иначе и быть не может, ибо мы переживаем период, когда крайне убыстрялся ход истории не только на мировой арене борьбы между капитализмом и социализмом. Он особенно убыстрялся благодаря исключительным, невиданным темпам нашего развития, в результате крупных классовых сдвигов, мощной перестройки социально-экономических отношений в стране диктатуры пролетариата.

Июньский пленум Центрального комитета войдет в историю нашей партии как пленум дальнейшего развертывания социалистического наступления по всему фронту, как пленум дальнейшего расширения сферы социалистической реконструкции народного хозяйства на новые области, как пленум, подведший в своих решениях предварительные итоги второй большевистской весны, итоги, имеющие всемирно-историческое значение с точки зрения социалистической переделки сельского хозяйства.

Июньский пленум ЦК партии заострил внимание на 3-х важнейших звеньях нашей дальнейшей работы: на задаче организации уборки урожая в связи с итогами сева, на проблеме реконструкции транспорта и, наконец, на вопросах коренной реконструкции пролетарского города, на строительстве новых городов, поднятии коммунального хозяйства до уровня задач, соответствующих периоду социализма.

Об „экономическом факторе“.

Г. Плеханов.

Первоначальная редакция.

(Этот вариант публикуется впервые).

I.

В марте прошлого года совершенно обновился, как известно, состав сотрудников «Нового Слова». Его прежние сотрудники, более или менее последовательно державшиеся народнического учения, торжественно удалились и были заменены людьми, относящимися к народничеству и подобно ему направлениям совершенно отрицательно. Это обстоятельство не осталось без заметного влияния на отношение к «Новому Слову» левого крыла наших консерваторов. Находящиеся в их руках органы печати стали, как говорится в Западе, бойкотировать «Новое Слово»: они не упоминали о нем даже тогда, когда оспаривали высказанные в нем мнения. / Бойкот продолжался вперед до выхода октябрьской книжки «Русского Богатства», в которой г. Михайловский заговорил, наконец, о нашем журнале. Вслед за ним выступил в поход против нас и та пухлая московская тетушка, которая в шутку называет себя «Русской Мыслью». Одновременно с тетушкой ополчился г. Мятотин. Таким образом, опять загорается на время затихшая полемика между «учениками», с одной стороны, и левым крылом наших охранителей, с другой.

Это очень хорошо. Полемика очень полезна, разумеется если она ведется по поводу серьезных вопросов. Правда, у нас многие теперь не согласны с этим, многие не любят полемики, особенно резкой полемики. Конечно, в вкусах / не спорят. Но если люди, предубежденные против полемики, ищут в виде интересы истины, то им следовало бы помнить, что горячие полемические схватки иногда безусловно необходимы для защиты этих интересов. Белинский и лучшие люди шестидесятых годов очень любили полемику. Автор «Очерков Гоголевского периода русской литературы», оправдывая Надеждину от упреков, которые многие делали ему за его страсть к резкой полемике, замечает:

«Удивительное дело наши литературные [да и всякие другие] побиты. Вечно предлагаются вопросы, почему землемедельц пашет поле грубым жеенным плугом или сошником. Да чем же иначе можно вспахать плодородную но тяжелую на подъем почву. Ужели можно не понимать, что без войны и решается ни один важный вопрос, а война ведется огнем и мечом, а не дипломатическими фразами, которые уместны только тогда, когда цель борьбы введенной оружием, достигнута. Беззаконно нападать только на безоружную».

⁴⁾ Цифры на полях обозначают нумерацию страниц рукописи. Вертикальные черточки в тексте обозначают место, откуда начинается соответствующая страница рукописи. Все редакционные примечания, если не указано ред. «П. З. М.», принадлежат редакции «Архива Дома Плеханова». (Ред. «ПЗМ»).

и беззащитного, на старцев и калек, а поэты и литераторы, против которых выступили Надеждин, были не таковы...»]⁴⁾.

Нам сдается, что мы сердим некоторых почтенных людей / именно тем, что предпочитаем решительные военные действия бессодержательным дипломатическим фразам. Но не мы виноваты в том, что только войной решаются важнейшие вопросы в области жизни и мысли. Видно уж так самим богом устроено, и вольтерьянцы напрасно говорят против этого.

Итак, мы очень рады вновь начинаящейся полемике. Ненависть всякой фразерии, между прочим и дипломатическое, мы при случае будем очень горюю отстаивать свои мнения, но читатель может быть уверен в том, что о пустяках спорить мы не станем.

Вот, например, г. Михайловский говорит, что «Новому Слову» надо пересмотреть свой багаж «как относительно чисто теоретических положений отвлеченного характера, так и относительно практических выводов». / Мы благодарим знаменитого социолога за добрый совет и тотчас принимаемся за пересмотр нашего багажа. Но так как вещи лучше всего познаются сравнением, то, пересматривая свой собственный багаж, мы по временам станем западывать и в тот багаж, с которым г. Михайловский вот уже тридцать лет путает «по садам российской словесности».

Начнем мы, как и следует, с начала, т. е. с философии. Г. Михайловский говорит, что философские взгляды так называемых «учеников» еще не вполне выяснились. Это, конечно, не хорошо: люди, берущиеся рассуждать о философии, должны иметь ясные философские взгляды. Но на чем же основывается учение г. Михайловского. На том, что некоторые из них тяготеют к / неокантинизму, а другие «воскрешают гегelianство». Странное основание! Кому не известно, что г. Михайловский не разделяет некоторых социологических взглядов Спенсера? Факт этого разногласия не подлежит ни малейшему сомнению. Но позволительно ли в виду сего сказать, что еще не выяснились социологические взгляды гг. Михайловского и Спенсера? Конечно нет. Каждый из них может иметь (мы не говорим: имеет) очень ясные взгляды, не похожие, однако, на взгляды другого. Умозаключить от различия к неясности способен только тот, кто сам не отличается ясным мышлением.

Скажут, пожалуй, что гг. Спенсер и Михайловский никогда не выдавали себя за последователей одного и того же социологического учения. / И это будет справедливо. Но ведь «ученики», тяготеющие к неокантинизму, тоже никогда не считали и никогда не называли себя философскими единомышленниками тех из «учеников», которые стоят на точке зрения современного материализма. В свою очередь ученики-материалисты никогда не отождествляли своих философских взглядов с философскими взглядами неокантинцев. И те, и другие хорошо понимали, что в этом отношении и между ними большая разница.

Но и те, и другие считают себя последователями одного и того же учения. / Это тоже справедливо, хотя тут необходимо оговориться.

Философские взгляды «учеников», тяготеющих к немецкой «критической» философии не похожи на философские взгляды автора «Капитала». Они прекрасно знают это и не считают себя последователями его философии. Но это не мешает им признавать справедливость его экономической и философско-исторической теории. И поскольку они разделяют эти его взгляды.

⁴⁾ В рукописи: «Удивительное дело наши литературные и т. д.» Социал-Демократ, № 1-й, стр. 147, в примечании до слов: были не таковы.

Со временем, апрель 1856 г. Критика, стр. 41—42). Цитируется по статье Плеханова — Н. Г. Чернышевский. Трехмесячное литературно-политическое обозрение. Социал-Демократ. Лондон. 1890. Февраль, кн. первая, стр. 88—175. Имеется в библиотеке Плеханова.

В собр. соч. см. т. V, стр. 89, примеч. 1. (Ред.).

они смотрят на общественные вопросы с его точки зрения, они являются его учениками в той же мере, как и те, которые разделяют не только его экономические и философско-исторические, но также и философские взгляды. Неокантианец, признающий справедливость экономической и философско-исторической теории автора «Капитала», в этих пределах может быть таким же верным и последовательным учеником этого знаменитого мыслителя, как и любой из современных / материалистов, т. е. тех, которые следуют за автором «Капитала» также и в философии.

Но можно ли разделять философско-исторические воззрения какого-нибудь писателя, не разделяя в то же время его философских воззрений? На этот вопрос нельзя ответить безусловно: / *Sa depend*¹⁾, как говорят французы. Но что касается неокантианцев, то надо сказать утвердительно, что они могут, не изменяя своей философской точки зрения, признавать справедливость экономических и философско-исторических воззрений Маркса. Почему? Да потому, что их разногласие с ним ограничивается вопросом об отношении бытия к мышлению. Неокантианцы говорят, как говорил когда-то сам Кант: мы знаем только феномены, а нумены, вещи в себе, нам совершенно неизвестны. А современные материалисты, т. е. философские последователи Маркса, отвечают на это, что мы не могли бы порождать явления сущими известных условий, если бы нам были неизвестны хоть некоторые свойства «вещей в себе». Кто прав? По-нашему правы материалисты. Но как бы там ни было, несомненно, что это разногласие материалистов с неокантианцами по существу своему нисколько не может помешать им согласиться между собою во взглядах на мир явлений, к которому относятся, конечно, также явления экономические и исторические. Такое соглашение тем более естественно, что поскольку речь идет о мире явлений, последователи Канта вполне признают правомерность материалистической точки зрения.

II.

Конечно, кантианец кантианцу рознь. Есть такие кантианцы, которых трудно согласить не только с материалистами, но даже и с Кантом. К числу их, если мы не ошибаемся, принадлежит сам г. Михайловский. Мы потому говорим это не совсем уверенным тоном, что философские / взгляды / Михайловского до сих пор еще не выяснились, несмотря на его довольно уже преклонный возраст. Так, он доказывал когда-то, что «истина есть удовлетворение познавательной потребности того или другого исследователя»²⁾. Эта замечательная мысль представляет собою переделку—применительно к «потребностям» субъективистов—кантовского учения о непознаваемости вещей в себе. Но эта переделка до такой степени нелепа, что она, разумеется, показалась бы злой насмешкой и самому Канту и всем его настоящим последователям. Может быть г. Михайловский перестал уже «тянуть на этот умительный лад «к немецкой так называемой критической философии».

Может быть он и сам понимает теперь, как дико искажал он эту философию в фельетоне, озаглавленном: «О жажде познания» (февраль 1875 года). Но если он до сих пор остался при своем старом взгляде, то мы советовали бы ему потолковать об «истине», например, с П. Б. Струве. Тот хорошо знает Канта и вероятно не откажется обяснять нашему мастишному социологу, что познавательная потребность людей сплошь и рядом удовлетворяется не истиной, а сущими пустяжками. С своей стороны мы сказали бы П. Б. Струве, что он мог бы легко и неопровергнуто доказать это ссылками на собственные сочинения г. Михайловского.

¹⁾ Это зависит (от обстоятельств).

²⁾ Сочинения, т. III, выпуск I. С.-Петербург, 1888 г./ стр. 95. (Г. П.).

Повторяем, «тяготение» к «так называемой критической философии» не может помешать мыслящим людям стать на точку зрения философско-исторической теории Маркса. Но нельзя в одно и то же время признавать экономические его взгляды и отрицать его философско-историческую теорию. Невозможность обуславливается здесь самим характером его экономического учения: кто усвоил себе это учение, тот тем самым усвоил себе и сущность его исторических взглядов. Это кажется парадоксом, а между тем это совершенно неоспоримо и, чтобы убедиться, в этом достаточно выяснить себе некоторые основные понятия политической экономии.

Что такое стоимость? Это—общественное отношение производства,—отвечает Маркс. Что это значит? Вот что. В процессе производства люди становятся в известные отношения, например, в те отношения, благодаря которым продукты их труда принимают форму товаров. Товар A обменяется на такое-то / количество товара B, на такое-то < количество товара C^{(15)—26 bis} и т. д. Все эти товары есть продукты труда, поэтому их взаимные отношения в процессе обмена выражают собою взаимные отношения труда,ящихся в процессе производства. Таким образом отношения людей представляются свойствами в вещей (товаров) >¹⁾.

Капитал есть меновая с т о и м о с т ь, одаренная способностью к возрастианию. Известно, что капитал, не приносящий дохода, считается м e r t v y m капиталом. Стало быть эта способность приносить доход есть важнейшая отличительная черта живого капитала. Но если меновые отношения товаров выражают собою взаимные отношения производителей в общественном процессе производства, то и капитал,—меновая стоимость, порождающая новую стоимость,—не может представлять собою что-либо другое, кроме общественных отношений производителей. Поэтому Маркс говорит, что капитал тоже есть общественное отношение производства и именно отношение, свойственное буржуазному обществу, / б у р ж у а з н о е отношение производства.^{(16)—27} Это отношение характеризуется тем, что рабочий продает предпринимателю свою рабочую силу. Всем известно, с какою целью покупает ее капиталист: в процессе производства работник создает стоимость, превышающую расход на покупку его рабочей силы; разность между новой, созданной работником, стоимостью и стоимостью его заработной платы называется прибавочной стоимостью. Она принадлежит предпринимателю и служит источником его дохода. Таким образом способность капитала приносить доход обясняется свойствами буржуазному обществу отношениями людей в процессе производства. Но свойства этих производственных отношений кажутся свойствами в вещей, т. е. свойствами принадлежащих / капиталисту средств производства. На известной стадии развития производительных сил это тоже неизбежная иллюзия.

Тайна такого рода иллюзий впервые была разоблачена Марксом. Но разоблачить ее, значит показать, каким образом ход идей определяется ходом общественных отношений.

В самом деле, если на известной стадии своего развития экономические отношения производства необходимо отражаются в человеческих головах в виде свойств вещей, и если,—как это говорит Маркс,—экономические отношения не падают с неба в готовом виде, а создаются развитием общественных производительных сил, то выходит, что известному состоянию этих сил соответствуют известные взгляды. Кто разделяет экономическую теорию Маркса, тот не может отказаться от этого вывода, < а кто признает этот

¹⁾ Место, заключенное в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто в виду того, что этот лист, составлявший часть настоящего варианта, был затем переложен в новый вариант. Это подтверждается совпадением текстов в обоих вариантах и двойной нумерацией страниц: 15—26 bis.

Воспроизведено его в первоначальном виде (Ред.).
Под Записью Марксизма.

вывод, тот в значительной степени признает и историко->¹ / философскую теорию Маркса—] ²), ведь смысл этой теории сводится именно к тому, что общественные отношения и взгляды людей всякого данного исторического периода обуславливаются в последнем счете состоянием общественных производительных сил в течение этого периода. Как же можно признавать экономическую теорию Маркса и в то же время отрицать его историко-философскую теорию? Так способен поступать только тот, кто совсем не усвоил себе сущности экономической теории Маркса. Но людей, «признающих» эту теорию и в то же время отрицающих историческую философию Маркса, как известно, очень много между сотрудниками «Русского Богатства». Выходит, что «экономические понятия этих людей по меньшей мере «не выяснились». Об этом очень стоило бы подумать г. Михайловскому.

Чем кумушек считать трудиться,

Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться.

Иные заметят, может быть, что все же лучше было бы, если бы сотрудники «Нового Слова» не расходились между собою даже и в философских взглядах. Мы сами думаем так, и мы были бы очень рады, если бы пишущие в «Новом Слове» неокантианцы перешли на философскую точку зрения Маркса. Но мы не знаем, случится ли это когда-нибудь, а пока этого не случилось, мы довольствуемся тем, что мы почти вполне согласны с ними во взглядах на общественные вопросы. Конечно, и тут между нами могут возникнуть разногласия по частным вопросам: на земном шаре нет ни одного направления, все представители которого вполне были бы согласны между собою во всех частностях. Но дело вовсе не в частных разногласиях; дело в том, мешают ли они совместной работе для решения данной общественной задачи. Если нет, то они не только не вредны, но даже полезны, так как вызывают живой и плодотворный обмен мнений между участниками одного и того же дела. «Копаться вокруг корней истины» всегда полезно. Но это занятие становится особенно полезным тогда, когда каждый из предающихся ему людей возбуждается дружескими замечаниями и возражениями со стороны товарищей, в уме, знаниях и благородстве которых он ни на минуту не может усомниться.

Неосторожно, впрочем, и то, что враги данного направления всегда будут пользоваться частными разногласиями между его сторонниками в интересах своего собственного дела. Они будут указывать на такие разногласия как доказательство того, что это направление еще не определилось и не выяснилось. / Но что же за беда. Несостоятельность вражеских комментариев всегда можно обнаружить, а раз несостоятельность их обнаружена, они приносят не вред, а пользу тому направлению, для посрамления которого они придумываются ³.

III.

Г. Михайловский говорит, что я, вместе с г. Бельтовым, «воскрешаю гегelianство». Это неправда. Этого не мог бы по совести сказать даже человек, изучавший философию лишь «по Льюису». Гегель был идеалист, а не равнозначно как и г. Бельтова [трудно] принять [за идеалиста].

< в доказательство можно> ложалуй, сослаться на то, что я говорю о Гегеле с величайшим уважением. Но уважать Гегеля меня научил еще автор примечаний к Миллю. Вот что пишет он в разборе своей собственной диссертации об эстетических отношениях искусства и действительности.

¹) Слова, заключенные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты. (См. двойную нумерацию стр. 17—28). (Ред.).

²) В рукописи оборвана часть верхнего края. (Ред.).

³) В рукописи: см. вставку к стр. 21. Вставка не найдена. (Ред.).

⁴) В рукописи нижняя часть страницы оборвана. (Ред.).

Г. Чернышевский совершенно принимает справедливость современного направления науки [и, видя с одной стороны, несостоятельность прежних метафизических систем, с другой стороны, неразрывную связь их с господствующей теорией эстетики, выводит из этого, что господствующая теория искусства должна быть заменена другой, более сообразною с новыми воззрениями: на природу и человеческую жизнь. Но прежде, нежели займемся мы изложением его понятий, составляющих только применение общих воззрений нового времени к эстетическим вопросам, мы должны объяснить отношения, связывающие новые воззрения с старыми в науке вообще. Часто мы видим, что продолжатели ученого труда восстают против своих предшественников, труды которых служили исходной точкой для их собственных трудов. Так Аристотель враждебно смотрел на Платона, так Сократ безгранично унижал софистов, продолжателем которых был. В новое время этому также найдется много примеров. Но бывают иногда отрадные случаи, что основатели новой системы понимают ясно связь своих мнений с мыслями, которые находятся у их предшественников, и скромно называют себя их учениками; что обнаружив недостаточность понятий предшественников, они с тем вместе ясно показывают, как много содействовали эти понятия развитию их собственной мысли. Таково было, например, отношение Спинозы к Декарту. К чести основателей современной науки должно сказать, что они с уважением и почти сыновнею любовью смотрят на своих предшественников, вполне признают значение их гения и благородный характер их учения, в котором показывают зародыш собственных воззрений. Г. Чернышевский понимает это, и следует примеру людей, мысли которых применяет к эстетическим вопросам] ⁴).

< Г. Михайловскому неизвестно, может быть, кого называл Чернышевский основателем современной науки и кто были те «предшественники», к которым он, по примеру «людей, мысли которых применяют к эстетическим вопросам» относился «с уважением и с почти сыновнею любовью? Он объясняет это, говоря, что его учение «непосредственно связано с двумя системами идей,—начала нынешнего века, с одной стороны, последних двух десятилетий другой» >⁵.

/Учителем Чернышевского в философии был Фейербах, а человек, из философии которого вышла система Фейербаха, и к которому Чернышевский, по примеру Фейербаха относился с таким огромным уважением, был тот самый Гегель, в сочинениях которого г. Михайловский усматривает лишь «метафизику». Впрочем, я выразился, кажется, не совсем точно. Можно ли сказать, что г. Михайловский усматривает в сочинениях Гегеля то или то, когда не видел в этих сочинениях? Тут следовало бы подобрать другое выражение, но я надеюсь, что моя мысль все-таки понята читателю. С таким же огромным уважением говорит Чернышевский о Гегеле и в своих «Очерках Гоголевского периода русской литературы»

²) В рукописи: Но уважать Гегеля меня научил еще автор примечаний к Миллю. Вот что пишет он в разборе своей собственной диссертации об эстетических отношениях искусства и действительности.

«Г. Чернышевский совершенно принимает справедливость современного направления науки и т. д. см. ою тетрадь до слов: к эстетическим вопросам».

Плеханов цитирует статью Чернышевского, напечатанную в «Современнике» за 1855 г. № 5, под заглавием «Эстетические отношения искусства к действительности», соч. Н. Чернышевского, СПб., 1855 г., и представляющую разбор Чернышевским своей собственной диссертации. Статья подписана инициалами Н. П. —

В Собр. соч. Н. Г. Чернышевского см. т. X, ч. 2, стр. 174—175. (Ред.).

³) «Эстетические отношения искусства к действительности», издание второе, стр. 131. Примечание для ст. старых критиков, подобных г. Мякошину. В этом сочинении Чернышевский говорит просто: последних десятилетий: слова: двух прибавлено им в разборе своей диссертации. > (Г. П.).

Место текста, заключенное в угловые скобки, так же как и примечание к нему. в рукописи зачеркнуто. (См. двойную нумерацию страниц). (Ред.).

ской литературы». Г. Михайловский с большой пользой для прочтет, например, хоть следующие строки.

«Мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарта или Аристотеля. [Гегель ныне уже принадлежит истории, настоящее время имеет другую философию и хорошо видят недостатки гегелевской системы; но должны согласиться, что принципы, выставленные Гегелем, действительно, были очень близки к истине, и некоторые стороны истины были выставлены на вид этим мыслителем с истинно поразительной силой. Из этих истин открытие не составляет линную заслугу Гегеля; другие, хотя и принадлежат не исключительно его системе, а всей немецкой философии со времен Канта и Фихте^{25) 90} никем до Гегеля не были формулированы так ясно и высказывались так сильно, как в его системе»]^{1).}

Вот совершенно так смотрю на Гегеля и я многогрешный. Я столь мало стремлюсь «воскрешать гегелианство», как и картезианизм, но я знаю что «принципы, выставленные Гегелем, действительно были очень близки к истине и некоторые стороны истины были выставлены на вид этим мыслителем с истинно поразительной силой». И я высказываю это в своих статьях. Михайловский недоволен этим. Я скажу ему как Фонвизин: утешительно и человеческим невежеством считать вздором все то, о чем понятия не имеются.

| Знаете ли, читатель, какие отличительные черты Гегелевской философии особенно нравились автору примечаний к Миллю? Ненависть к «субъективному мышлению» и диалектический метод. Вас это удивляет? Читайте.

«Прежде всего укажем на [плодотворнейшее] начало всякого прогресса, которым столь резко и блестательно отличается немецкая философия вообще и в особенности Гегелева система от тех лицемерных и трусливых воззрений, которые господствовали в те времена (начала XIX века) у французов и англичан: «истина — верховная цель мышления; ищите истины, потому что в истине благо; какова бы ни была истина, она лучше всего, что неистинное»; первый долг мыслителя: не отступать ни перед какими результатами; он должен быть готов жертвовать истине самыми любимыми своими мнениями. Заблуждение — источник всякой пагубы; истина — верховное благо и источник всех других благ». Чтобы оценить чрезвычайную важность этого требования, общего всей немецкой философии со времени Канта, но особенно запечатленного Гегелем, надо вспомнить, какими странными и узкими условиями ограничивали истину мыслители других тогдашних школ: они принимались философствовать не иначе, как за тем, чтобы «соправлять мирорядие для них убеждения», т. е. искали не истины, а поддержки своих предубеждений; каждый брал из истины только то, что ему нравилось, всякую неприятную для него истину отвергал, без церемонии признаваясь, что приятное заблуждение кажется ему гораздо лучше беспристрастной правды. Этую манеру заботиться не об истине, а о подтверждении привычных предубеждений, немецкие философы (особенно Гегель) прозвали «субъективным мышлением», философствованием для личного удовольствия, а не ради живой потребности истины. Гегель жестоко изобличал эту пустую и вредную забаву»]^{2).}

¹⁾ В рукописи: «Мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарт и Аристотеля и т. д. Очерки [Гоголевского периода] русской литературы, стр. 20 слов: в его системе».

Цитируется по изданию М. Н. Чернышевского, СПб., 1892 («Современник» 1855—1856).

В собр. соч. Н. Г. Чернышевского, изд. 1906 г., см. т. II, стр. 185—186. (Ред.)
²⁾ В рукописи: «Прежде всего укажем на и т. д., стр. 258 и т. д. по слову пустую и вредную забаву».

Цитируется по указанному выше изданию «Очерков Гоголевского периода» СПб., 1892.

В собр. соч. Н. Г. Чернышевского, изд. 1906 г., см. т. II, стр. 186—187. (Ред.)

Не правда ли, это замечательный отрывок? Он очень хорошо обясняет почему наши «переводовые» люди совсем возненавидели Гегеля с тех пор, как предались «пустой и вредной забаве», называемой «субъективным мышлением». <А с другой стороны, он позволяет нам сделать некоторое интересное заявление.

Г. Михайловский ссылается на какого-то г. М. М., которого он называет «певцом материалистического понимания истории». Он приводит следующий отрывок из одного стихотворения¹⁾ этого поэта:

26
Так люди живут; их делами
Слагается жизнь, [но] всегда
Идет она теми шагами,
Что сделать фатально должна.

Сумеем мы сердце тому покорить,
Что ум неизбежным признает,
А слезы оставим любителям лить
Пускай себе льет, кто желает!²⁾.

Эти отрывки составляют все, что мне известно из произведений г. М. М. Говоря откровенно, они несколько напоминают мне рубленную прозу, но по-прежнему нельзя судить о дарованиях поэта, поэтому от всяких суждений о таланте и мировоззрении г. М. М. я отказываюсь. В данном случае меня интересует лишь та цель, с которой привел эти отрывки г. Михайловский. А цель эта очевидна: г. Михайловский хотел оттенить бессердечие людей национального направления. Он два раза приводит слова:

Сумеем мы сердце тому покорить,
Что ум неизбежным признает
Научимся чувство уму покорять³⁾.

/ Повидимому он думает, что в этих случаях ярче всего отражается²⁷

¹⁾ Слова, заключенные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты (см. двойную нумерацию страницы: 25 — 90). (Ред.).

²⁾ В рукописи:

Так люди живут их делами
Слагается жизнь и т. д.

Р. Бог., X, стр. 188—189.

Цитата взята Плехановым из обозрения Н. К. Михайловского «Литература и Жизнь — О новых словах и «Новом Слове» — «Русское Богатство», 1897 г., X, стр. 188—189.

Цитируется по указанному источнику. В собр. соч. Н. К. Михайловского, СПб., 1914 г., см. т. VIII, стр. 698.

³⁾ Стр. 26 имеет вариант. Приводим его:

Слушайте, что говорит Чернышевский о диалектике.

«Как необходимо предохранительное средство против пополновений уклоняться от истины и т. д., стр. 259, до конца страницы.

Вы видите, читатель, что диалектика во всем не такая плохая вещь, как это думают невежды, считающие вздором все то, о чем они сами не имеют ни малейшего понятия. И если я «воскрешаю гегелианство» тем, что отстаиваю диалектический метод, то это «зло не столь большой руки». И очевидно, что меня совсем не осудят бы за это самый замечательный представитель эпохи шестидесятых годов. И не только не осудят бы, а наверное даже очень одобрил бы, особенно ввиду того, что у современных материалистов диалектический метод приобрел новое значение и новую силу. Вот что говорит... (Ред.).

свойственное нам бессердечие. Но что выражают собою эти слова на самом деле? Ту мысль, которая заключается, например, в следующих словах Гюго:

Le vrai, je sais, fait souffrir;
Voir, c'est peut être mourir;
N'importe, о топ бел, regarde!)

Эта же мысль выражается и в вышеприведенных словах Чернышевского, которыми он характеризует мужественную любовь к истине великих немецких идеалистов: «истина, верховная цель мышления, ищите истины, потому что в истине благо; какова бы ни была истина, она лучше всего, что не истинно: первый долг мыслителя не отступать ни перед какими результатами, он должен быть готов жертвовать истине самыми любимыми своими идемиями». Если бы Чернышевский прочитал два языка приведенный г. Михайловским отрывок из стихотворения г. М. М., то он наверное сказал бы: «правы, но отступайте перед истиной даже ради самых дорогих убеждений». А вот г. Михайловский видит в этом отрывке что-то достойное осуждения. Нам кажется, что это различие говорит не в пользу г. Михайловского.

Правда, г. М. М. говорит еще:

А слезы оставим любителям лить
Пускай себе льет, кто желает!

И по этому поводу г. Михайловский разражается негодующей гирадой, смысл которой тот, что г. М. М. не хочет плакать потому, что сам не находится в тяжелом положении жертв капиталистической эксплуатации. Попробуем: нам неизвестны стихотворения г. М. М. Может быть он и в самом деле не хочет плакать только потому, что дела эксплоататоров обстоят очень хорошо, а до эксплуатируемых ему нет никакого дела. Но этого совсем не видно из тех его слов, которые приводят г. Михайловский. Из них видно только то, что г. М. М. не склонен.

Представитель этой эпохи по своему взгляду на философию был гораздо ближе к нам, сторонникам диалектического материализма, чем к г.г. субъективистам. Ниже я покажу то же самое по отношению к общественным идеям этого человека. А теперь замечу, что если г. Михайловский выдает нас за врагов оставшегося после шестидесяти лет наследства, то он выражается не точно. После шестидесяти лет осталось наследство различного рода. Шестидесятыми годами завещаны идеи «Современника». К этим идеям, повторяю, мы гораздо ближе, чем к г.г. субъективистам. Но те же шестидесятые годы завещали нам самого г. Михайловского и некоторых других субъективистов. От этого наследства мы отмахиваемся обеими руками; / его нам не нужно, во-первых, потому что в деле мышления эти господа вообще способны только на «пустые и временные забавы», а, во-вторых,—и это главное—потому что та пустая и временная забава, которая называется субъективным мышлением, представляет собой реакцию против направления, господствовавшего в нашей передовой интеллигенции в эпоху «Современника». Субъективизм утвердился у нас на некоторое время только потому, что сошли со сцены деятели «Современника». Только этому обстоятельству г. Михайловский и обязан своим успехом³⁾

И если этот человек решился обвинять нас в отношении к оставшемуся после шестидесяти лет наследству

¹⁾ Знаю, что истина причиняет страдание,
Видеть, быть может, значит—умереть,
Нет нужды, глаза мои, смотрите!

²⁾ Стр. 29 не является продолжением стр. 28. Тем не менее весь последующий текст по содержанию и планировке материала можно считать продолжением той же редакции.

³⁾ Многоточия заменяют слова, опущенные редакцией.

следствую, то он, очевидно, рассчитывал на короткую память читателя. Но попавши так, он делал очень рискованный шаг. <Читатели очень часто действительно забывают такие вещи, которых>⁴⁾ / забывать совсем не следует. Но всему есть мера. Они могут вспомнить об истинном положении дел, и тогда горе тем, которые спекулировали на их забывчивости. Г. Михайловский прекрасно понимает опасность своего положения; оттого-то он и воюет с теми, чья проповедь может разбудить внимание читателей, так удачно усиленное им и ему подобными. Но, воюя с этими нескромными людьми, он отстаивает вовсе не литературную традицию шестидесятых годов и совсем не интересы трудящегося населения России; он защищает просто на-просто свой собственный эгоистический интерес / человека, которому неприятно расстаться с незаслуженной им репутацией «передового» представителя русской литературы. Заслуживает ли уважения этот эгоистический интерес? Конечно, нет. Интересы нашего дальнейшего литературного развития требуют, напротив, скорейшего разоблачения ужасающей пустоты «субъективных» теорий. Именно ради этих интересов необходимо показать, что г. Михайловский напрасно прячется за спину наших великих просветителей шестидесятих годов, идеи которых совсем не похожи на его собственные идеи. Это необходимое дело и сделают «ученики», как бы ни восставал против них г. Михайловский и как бы ни искали они взгляды его сторонники.

Г. Михайловский говорит, что я «сережусь» на него и на его единомышленников. Я позвольте себе сказать по этому поводу несколько слов.

Решительный враг всякой реакции вообще, я от всей души ненавижу между прочим и ту реакцию в среде нашей интеллигентии, которая началась во второй половине шестидесятых годов и которая выразилась в когда-то модном у нас «субъективном мышлении». Если это значит «серьдиться», то действительно очень «серьжусь» и никакого не скрываю этого. Но мне кажется, что отношение данного лица к данному направлению, как бы оно ни было отрицательно, не может быть характеризовано глаголом «сердиться». Но этот глагол скорее характеризует лично я имею отношения между нами. Но лично я против г.г. субъективистов ровно ничего не имею, и редко встречаюсь с ними. Конечно, человек слаб: случается, что⁵⁾

Г. Михайловский недоволен теми моими выражениями и оборотами 36 речи, которые он называет «щипками». По его словам эти щипки мешают пониманию моих мыслей. Но мне сдается, что он говорит так лишь потому, что «сердится». В самом деле, ведь мои «щипки» по большей части являются исходной точкой тех или других обяснений. Возьмем хоть те щипки, на которые указывает он сам. «Г. Михайловский не однажды указывал... [Однако, скажет нам, пожалуй, г. Кудрин]... «Г. Михайловский сказал бы... г. Кареев, Н. Михайловский, С. Кривенко и прочие умные и ученые люди... Достаточно напомнить, что, по мнению г. Н. Михайловского и т. д....]»⁶⁾. Если читатель потрудится заглянуть в мою статью, то он увидит, что вслед за предположением, что, например, г. Кудрин⁷⁾

неудовольствие на них г. Михайловского тем менее основа-

⁴⁾ Слова, заключенные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты. (См. двойную нумерацию стр. 31—96).

⁵⁾ Стр. 36 не найдена. (Ред.).

⁶⁾ В рукописи: Возьмем хоть те щипки, на которые указывает он сам, «Г. Михайловский не однажды указывал».

Вото из уже цитированной статьи Михайловского (см. примеч. к стр. 26 рукописи), стр. 182.

В сбр. соч. Н. К. Михайловского. СПБ. 1914, см. я. VIII, стр. 690. (Ред.).

⁷⁾ Стр. 37 не найдена. (Ред.).

тельно, что ведь, по его уверению [«щипки г. Каменского отнюдь не принижают той боли, на которую рассчитаны»]¹⁾. [Оно («Новое слово»)], — говорит Михайловский, — [при всяком удобном и неудобном случае, кстати и некстати, щиплется (более подходящего выражения не нахожу), при чахотно смешивает нас с «народниками» и другими лицами, к «Русскому Богатству» непричастными. И не то, чтобы такова была вообще манера «Нового Слова» по отношению ко всем собратьям — нет, только мы пользуемся таким исключительным вниманием почтенного журнала]²⁾.

Тут есть маленькая неточность. Я «щипал» не «Русское Богатство», а неизвестных лиц, из которых иные вовсе не пишут в названном журнале. Чуть касается этих лиц, то мне действительно приходится вспоминать о них очень часто. Но причина этого лежит не во мне. Она заключается.

39)

40)/112

<Но мы не знали, что старые люди забывают об этом, а если бы знали, то и в самом деле не стали бы разбивать их иллюзии. Или >³⁾, наконец, дело не в том, что я напомнил старикам об их старости, в том, что отозвался о них непочтительно. Но, во-первых, непочтительно не значит бесмысленно, а, во-вторых, я скажу вот что.

Я хорошо помню совет: «перед лицом седого восстания и почти ли старческим». Это добрый совет. Но надо помнить и то, что поведение старых людей не всегда заслуживает одобрения. Читатель знает, может быть, с какими бурными аплодисментами французские романтики отвечали когда-то известную фразу в Hernani: Vieillard va-t-en donner ta mesure au fossoyeur!⁴⁾. Эти горячие аплодисменты наверно очень тяжело действовали на стариков, присутствовавших в театре. Но погодите винить романтиков. В их кажущемся бессердечии сказалась борьба двух направлений. Затронутые ими старики были классики, которые тоже ведь не без бою покидали свои позиции и которые первые начали оскорблять романтиков грубыми на-

¹⁾ В рукописи: «ведь по его уверению, они», затем оставлено место и кавычки закрываются на половине следующей строки.

Повидимому, Плеханов имел в виду процитировать здесь приведенные в тексте слова Михайловского. См. «Русское Богатство», 1897 г., кн. X, стр. 182.

Собр. соч. Михайловского, т. VIII, стр. 690. (Ред.).

²⁾ В рукописи:

По середине строки слова, — говорит г. Михайловский, — «затем оставлены 4 строки для цитаты.

В виду отсутствия более точных указаний, цитата воспроизводится по содержанию следующего за ней текста. О «щипках» в связи с «Русским Богатством» говорится в обозрении Михайловского только в одном месте. См. «Русское Богатство», 1897 г., кн. X, стр. 180.

В собр. соч. Михайловского, см. т. VIII, стр. 688. (Ред.).

³⁾ Стр. 39 не найдена.

⁴⁾ По содержанию стр. 40 и последующие являются прямым продолжением данного варианта. Для связи необходимо здесь привести слова Михайловского, во всей вероятности процитированные Плехановым на недостающей 39-й странице: «Остановлюсь на одной из выходок, направленных лично против меня, не потому, чтобы она была ярче, характернее или типичнее других, а потому, что ее трудно обойти желающему вникнуть в одно чрезвычайно важное объяснение г. Каменского: «Мы, может быть, подали бы нашим субъективным старикам повод лишний раз похихикать на счет того, что между сторонниками материалистического понимания истории трудно отличить «настоящих» от «ненастоящих».... «Субъективные старички» — это просто бесмысленное сочетание слов, отнюдь не свидетельствующее о том, что г. Каменский «дал себе труд продумать».

Цитата из обозрения Михайловского. Рус. Бог., 1897 г., кн. X, стр. 182.

В собр. соч., т. VII, стр. 690. (Ред.).

⁵⁾ Слова, заключенные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты. (См. двойную нумерацию страницы 40—112). (Ред.).

⁶⁾ Старик, или дай свою меру гробовщику!

падками и обвинять их во всех смертных грехах. Конечно, жестоко напоминать человечку о близкой могиле. Но если бы вы сказали любому из тогдашних романтиков, что нехорошо желать смерти своему противнику, то он ответил бы вам, что его желание относится собственно не к классикам, а к классицизму, господство которого задерживает дальнейшее развитие французской литературы. Вот / такой же смысл имеет и моя неточки 42 тельность по отношению к субъективным старичкам. Каждому из них лично я желаю прожить мифусалоны лета, но что касается их направления, то я готов от души сказать ему: «Va-t-en donner ta mesure au fossoyeur!..» Если это выражение найдут слишком резким, я выражусь нежнее, я скажу, как говорят где-то крестьяне у Г. И. Успенского: «пора-а-а-б тебе, старику, по-мирить!» Если и это не понравится кому-нибудь, то мне останется ответить французской пословицей: «La plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a»¹⁾.

Вернемся к «щипкам». Они тем менее мешают мне выражать мои мысли, что каждый из них, из этих бедных мнимых щипков, служит исходной 43 точкой тех или других объяснений. Мои объяснения не удовлетворяют г. Михайловского. Может быть они и в самом деле плохи. Но и в таком случае дело не в щипках — которые, повторяю, показались г. Михайловскому щипками только потому, что он с некоторых пор страдает болезненной чувствительностью — а в моем неумении дать нужные и всем понятные объяснения. Должно быть, я действительно плохо объяснял свою мысль в статье о книге Лабиринта. Г. Михайловский «считает разъяснение г. Каменского чрезвычайно важным»; он находит, что, хотя, правда, положительная сторона в моей статье несколько туманна, но спасибо и за то, что я даю; он говорит, наконец, что он утверждал «то самое», что утверждаю теперь я. Очевидно, что я 44 сказал какую-то большую глупость. Поймем же, в чем она заключается.

Г. Михайловский утверждал то самое, что и я. Прекрасно. Что же именно утверждал мы с г. Михайловским. Что «нельзя приписывать экономическую (как и всякому другому) фактору господствующее или преобладающее значение; нельзя видеть в нем силу, будто бы определяющую собою историческое движение, являющуюся его последнюю причиной». Так формулирует нашу общую мысль г. Михайловский. Но спрашивается, верно ли он меня понимает? Я боюсь, что нет и что когда он поймет мое, как говорит он, чрезвычайно важное разъяснение, то он опять откажется от солидарности / со 45 мной во взгляде на значение «экономического фактора» в истории.

Пренеся, чем спорить, надо определить значение употребляемых нами терминов. Речь идет об экономическом факторе. Что же означают слова: «экономический фактор»?

/ Посмотрим сначала, какой смысл имеют они у писателей, считающих 46 неудовлетворительным материалистическое объяснение истории.

Автор «Капитала» приводит факты, показывающие, что английская аристократия пользовалась своей политической властью для обезземелиния своего народа. На этом основании довольно известный теперь в немецкой литературе д-р Пауль Барт решил, что Маркс противоречит себе; факты, приводимые им самим, показывают, что политические отношения тоже не существуют в истории, а между тем у Маркса все сводится к экономической структуре общества. Вот подлинные слова Барта:

Für den Ausgang des Mittelalters hat Marx selbst Material zu seiner Widerlegung geliefert, indem er (Cap. I, S. 737—750) die Vertreibung der englischen bäuerlichen Hintersassen durch die Feodalherren, welche der steigenden Wölfe preise wegen des Landes in Schafweide mit wenigen Hirten verwandelten, die sogenannten „enclosures“ und die Verwandlung jener

¹⁾ Самая красивая девушка не может дать больше, чем она имеет.

Bauern in vogelfreie Proletarier, die sich nun der, aufkommenden Manufactur zu Gebote stellten, für eine der ersten Ursachen der ursprünglichen „Accumulation“ des Capitals erklärt. Diese „Agriculturrevolution“ geht nach Marx zuletzt auf das Entstehen der Wollmanufactur zurück, aber nach seiner eigenen Darstellung werden die feudalen Gewalten, die gewinnsüchtigen Landlords, doch zu ihren gewaltsamen Hebeln (Cap. I, S. 747), d. h. eine politische Macht wird ein Glied in der Kette der wirtschaftlichen Umwälzungen¹⁾.

¹⁷ Эти слова хорошо показывают, как понял Барт мысль Маркса о значении экономической структуры. По словам Барта этой мысли противоречит тот исторический факт, что английские бароны пользовались своей политической силой для достижения своих экономических целей. Значит она была бы верна лишь в том случае, если бы Марксу удалось доказать, что политическая власть английских баронов была простым признаком (*ein blosser Schein*), так как они никогда не пользовались ею, полагаясь на то, что экономическая структура общества все сделает свою собственную силой. Значит Барт показалось, будто Маркс утверждал, что в истории всегда действовал один экономический фактор, а другие факторы,—в нашем примере политические—не имели никакого или почти никакого значения. Но верно ли понял Барт мысль Маркса? Нет, совсем не верно. Маркс не говорил, что политический фактор не имеет значения. Он говорил совсем другое. По его учению политический строй всякого данного общества обуславливается его экономической структурой; но раз данная экономическая структура общества вызвала известный политический порядок, то он с своей стороны охраняет и усиливает. Иначе сказать: политический фактор вырастает из экономического, но это не мешает политическому фактору воздействовать на экономический. А раз политический фактор пока не бездействует в истории, то само по себе понятно, что с точки зрения Маркса странно было бы, как я выражался в статье о книге Лабриола, всюду лезть с этим фактором.

¹⁸ Итак, Барт плохо понял Маркса. А как понимали его наши русские противники материалистического взгляда на историю. Некоторые из них понимали его точь-в-точку как Барт. Вот, например, г. Карапеев—пожалуйста подумайте, г. Михайловский, что я опять хочу ушипнуть почтенного профессора—вот г. Карапеев говорил, что «страницы, посвященные в книге Барта критике экономического материализма, могут быть указаны в качестве образца того, как следует решать вопрос о роли экономического фактора в истории». Но г. Карапеев не один понимал Маркса à la Paul Barth²⁾. Не далее, как в январе 1894 года г. Михайловский писал о книге Блюса: «Из того, что было

¹⁾ Для конца средневековья Маркс сам дал материал для собственного опровержения, обявив одной из первых причин первонаучального «накопления» капитала изгнание английского коренного крестьянского населения феодалами, которые из-за растущих цен на шерсть превратили страну в пастища для овец с небольшим числом пастухов (в так называемые «enclosures»), и превращение этих крестьян в свободных, как птиц, пролетариев, оказавшихся к услугам развивающейся индустрии. Хотя эта «аграрная революция» по Марксу в конечном счете приводит к возникновению широкой мануфактуры, но в его же собственном изложении, феодальные власти, корыстолюбивые лэндлорды 148 < становящиеся ее изъязвленными рычагами, т.е. политическая власть становится членом в цепи хозяйственных переворотов.

В рукописи «Für den Ausgang und t. d. Книга Барта, стр. 49—50 до слов *Umwälzungen*» Цитата взята из книги D-r Paul Barth: Die Geschichtsphilosophie Hegel und Hegelianer bis auf Marx und Hartmann, Leipzig, 1890. (Д-р Пауль Барт. Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана, Лейпциг, 1890).

Книга имеется в библиотеке Плеханова с его пометками. Начало и конец приведенной цитаты отмечены карандашом в тексте, а вся цитата обведена линией на полях. (Ред.).

²⁾ На манер Пауля Барта.

[говорит о классовой борьбе и об экономических условиях (сравнительно очень немного), еще не следует, что он строит историю на саморазвитии форм производства и обмена: обойти экономические условия в рассказе о событиях 1848 года было бы даже глупо. Выкиньте из книги Блюса панегирик Марксу, как творцу переворота в исторической науке, да еще несколько условных фраз с марксистской терминологией, и вам не придет в голову, что вы имеете дело с последователем экономического материализма. Отдельные хорошие страницы исторического содержания у Энгельса, Каутского и некоторых других тоже могли бы обойтись без этикетки экономического материализма, так как на деле в них принимается в соображение вся совокупность общественной жизни, хотя бы и с преобладанием экономической структуры в этом аккорде]³⁾. Выходит, что, по мнению г. Михайловского, Маркс считал возможным «строить» историю на саморазвитии форм производства и обмена. В сущности / это то же, что говорил Барт, только хуже сказано.⁴⁾ Выходит, стало быть, что наши русские противники материалистического понимания истории тоже думали, что Маркс не признавал значения или даже существования никаких других факторов, кроме экономического. Но так как говорить это — значит совсем не понимать Маркса, то выходит еще, что я был совершенно прав, сказав в статье о книге Лабриола, что сторонники материалистического понимания истории вовсе не имеют присущей им противниками привычки всюду лезть с экономическим фактором.

Впрочем, это побочные выводы: их интересно отметить, но из-за них не надо забывать нашу главную цель — определение того смысла, который, придают словам «экономический фактор» противники материалистического понимания истории.

/ В приведенных нами словах г. Михайловского заключается ответ на наш вопрос. Мы видим, что по мнению почтенного социолога, экономический фактор — это формы производства и обмена; обяснить историю с помощью экономического фактора, значит «построить» ее на саморазвитии форм производства и обмена. Если читатель заметит мне, что «саморазвитие форм производства и обмена» есть просто бессмысленный набор слов, то я спорить и прекословить не стану, а попрошу его отложить на время критическую оценку слов г. Михайловского и выслушать г. Карапеева.

Г. Карапеев исходит, как известно, из той мысли, что человек состоит из души и тела; «и у души и у тела [есть свои потребности, ищащие удовлетворения и ставящие отдельную личность в различное отношение к внешнему миру, т.е. к природе и к другим людям...]»⁵⁾. Материалистическое отношение человека к природе корениится в потребностях человеческого тела, которых и надо искать «причины звероловства, скотоводства, обрабатывающей промышленности, торговли и денежных отношений! Стало быть, если мы говорим, что в истории действует исключительно один только экономический фактор, — а мы видим, что именно эту мысль приписывал г. Карапеев Марксу, — то мы этим самым утверждаем, что исключительным

¹⁾ «Русское Богатство», янв. 1894 г., отд. II, стр. 117. (Г. П.).

В рукописи: «Из того, что Блюс и т. д. Бельтов, стр. 221 до конца выписки. Цитируется по первому изданию книги Н. Бельтова. К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю. СПБ. 1895.

В собр. соч. Плеханова, см. т. VII, стр. 235—236. (Ред.).

²⁾ В рукописи: «И у души и у тела и т. д. Бельтов, стр. 173 до слов: все праственную культуру.

Цитируется по первому изданию Бельтова.

В собр. соч. см. т. VII, стр. 197.

Указания Плеханова не совсем точны. В тексте начальо цитаты: «И у тела, и у души, а конец: «всю умственную и нравственную культуру». (Ред.).

двигателем в истории являются физические потребности человека¹⁾.

/Знал я на своем веку одну бабу-крестьянку, — рассказывает Г. И. Успенский. Она пришла [в Петербург из Пинеги, потому что в Пинеге стало нечего есть. Это была грубая черномазая женщина высокого роста. В Петербурге она отошла скоро, и так как «есть» — до сего времени составляло все, что ее держало на белом свете, то жить ей стало в Петербурге плохое. Она жила у немки в меблированных комнатах, была посуды, ибо, что такое посуда и зачем? Спала, как мертвая и огрызаясь, когда ее будили. Не могла упомянуть фамилии того или другого жильца, не могла выучиться узнавать, который час. В церкви она никогда не ходила, потому что этого было не нужно. Словом, это было создание, способное покуда только есть...²⁾]. Если бы я был сторонником экономического материализма в том смысле, как его понимает Кареев, то я сказал бы, что все человечество и при том в течение всей своей истории было очень похоже на эту Марью, что оно постоянно заботилось только о том, чтобы поесть и поспать, и что если у него была, например, религиозная потребность, то при внимательном анализе и ее можно было бы свести к «потребностям» тела; т. е. к пище и сне. А если бы меня спросили, почему же сходство с Марьей не помещало человечеству достигнуть довольно высокой степени цивилизации, то я ответил бы: вы забыли саморазвитие форм производства и обмена; пока человечество ело и спало, эти формы развивались сами собою и, наконец, встали людей в цивилизацию. Г. Кареев мог бы заметить мне, что у «тела» есть и другие потребности, кроме потребности в пище и сне. На это я скажу, что и Марья только «покуда» ограничивалась сном и едой.

«Но вот в жизни ее случился переворот, именуемый любовью, — продолжает Г. И. Успенский, — хотя это слово здесь неуместно. Прислуга меблированных [комнат утащила ее однажды на иллюминацию, а с иллюминацией Марья возвратилась уже утром, и дни через два ее нельзя было узнать. В этом она сходна с парижским соотечественником, у которого скуча пререклась, как только пошли дети. Марья, почувствовав, что она будет матерью, тоже как будто сразу скинула с себя лень и дури и принялась обеими руками тянуть кусок из пасти свиньи, то есть всех, кто ей ни попадался. И фамилии жильцов она узнала, и знала, что у кого есть, и часы вдруг стала узнавать, и узнала, кто добр, кто зол из жильцов... «Теперь еще четверть часа, стала она шептать, господин Федоров приходит в пятом» — и она смело входил к г-ну Федорову в номер; запустила руку в сахарницу, взяла сахара; отсыпала чаю; галстух валяется — и галстух взяла, спрятала... Или вот другой господин, «простой», подгулял с приятелями — и уж Марья тут; как, оказывается, тонко понимает она этого простого господина. «Сестра месяц в больнице... сумасшедшая... маленькая девочка у нее осталась, пить, есть нечем... Что на себе было, отдала...» жалобно причитает она. И барин все вынимает медочь, все вынимает... «А кум ей голову прошиб, да еще говорит: убью... А барин все вынимает, и Марья примечает, где водится у барина эта медочь, и когда барин спит, обыщет этот карман. Она стала изворотлив, как кошка; куда она прятала, что тащила — никто никогда не находил. От будущего ребенка попробовал было ее разыскать и повидаться, но так как он из числа свиней, которым надо не дать возможность с'есть, то через десять минут и у него куда-то делился платок, в одном углу которого был

¹⁾ Страница обрывается на 9-й строке. Есть ли здесь пропуск, установить трудно. (Ред.).

²⁾ В рукописи: «Знал я на своем веку одну бабу-крестьянку, — рассказывает Г. И. Успенский. Она пришла и т. д. Успенский, т. I, стр. 721, до слов: только есть». Цитируется по собр. соч. Глеба Успенского. СПБ. 1896 г., т. I.

Книга имеется в библиотеке Плеханова с его пометками. (Ред.).

заявлен рубль. С тех пор этот человек и глаз не показывал, что, конечно, еще более укрепило Марью в том, что «все свиньи». И вот она стала родить — тащить с правого и виноватого, перешивать и одевать ребят... Как она обращается с детьми? Любят и пичкают всем, что попадало под руку, что нашлось «у господ». Когда отвозят ребенка в деревню, она плачет и потом удваивает свою хищническую деятельность...»]¹⁾.

Как видите, другие потребности «тела» своевременно вступили у нее в права и тем дали новый, чрезвычайно сильный толчок ее «экономической» деятельности. Правда, в эту новую эпоху ее жизни у нее было материинское чувство, а это / < чувство относится скорее к области «духа», чем к области «тела». Стало быть и Марья не вполне удовлетворяет тому представлению о человеке, которое г. Кареев приписывает сторонникам материалистического понимания истории. Но нельзя ли доказать, что и любовь к детям непосредственно вырастает у людей из потребностей «тела»? Постойте, у Некрасова есть одно стихотворение, которое, если я не ошибаюсь, хорошо разясняет этот вопрос. Помните деревенскую старуху, которая оплакивает сына, погибшего на охоте за медведем? >²⁾.

Кто приполубит старушку безродную.
Вся обищала в конец.
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец.
Кто, как износится теплой шубушка,
Зайчиков новых набьет.
Умер, Касьяновна, умер, голубушка,
Даром ружье пропадет!

/Вы видите, — старушка горюет совершенно искренно, но ее печаль вытекает из соображений самого недувысмысленного свойства: смерть сына лишает ее «дровец», «новых зайчиков», «теплой шубушки» и т. п. А уж, казалось бы, что может быть сильнее, что может быть бескорыстнее материальной любви! Ясно, что потребности тела всегда торжествуют над потребностями духа, и что деятельность, направленная на удовлетворение телесных потребностей, — экономический фактор — имеет господствующее значение в жизни отдельных людей и в истории человечества. / Так рассуждали бы сторонники материалистического понимания истории, если бы они действи-

¹⁾ В рукописи: «Но вот в жизни ее случился переворот, именуемый любовью... — продолжает Г. И. Успенский, — хотя это слово здесь неуместно. Прислуга меблированных и т. д., стр. 721, т. I, до слов: никого никогда не находил на стр. 722 до слов: хищническая деятельность».

Цитируется по соч. Успенского, изд. 1896 г.
В виду неясности указаний Плеханова цитата приводится целиком до слов: хищническая деятельность. (Ред.).

²⁾ Место, заключенное в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто. См. двойную нумерацию страницы: 55—61 bis. (Ред.).

Страница 57 имеется в двух вариантах. Приводим второй: Так рассуждал бы я, если бы я держался тех взглядов на роль «экономического фактора», которые приписывает г. Кареев сторонникам материалистического взгляда на историю. И если бы я рассуждал так, то всякий с полным правом мог бы упрекнуть меня в клевете на людей. Рассуждать так можно было в XVIII веке при тогдашнем состоянии общественной науки; но все хорошо в свое время. Если бы теперь нашелся человек, который написал бы сочинение, подобное одному из сочинений Гельвеция, то его книга была бы пасквилем на человеческий род. К счастью я так не расуждаю и по очень простой причине: потому, что г. Кареев приписывает сторонникам материалистического взгляда на историю совсем не те взгляды, какие они имеют на самом деле.

Но каковы же их истинные взгляды? Они не однажды излагались даже в русской литературе, во... (Ред.).

тельно держались тех взглядов на значение экономического фактора, которые приписывает им г. Кареев. И если бы они держались их, то они были бы клеветниками на человеческий род. Но они очень далеки от них! Г. Кареев просто ничего не понял в их воззрениях.

Что же говорят они? Если бы они держались терминологии г. Кареева, то они сказали бы, / что человек имеет не только телесные, но и духовные потребности; они сказали бы, что потребности духа иногда гораздо сильнее дают себя чувствовать, чем потребности тела; что, когда, например, первые христиане смело шли на страшные муки, то они делали это, конечно, не ради «шубушки» или «дровец» и совсем не для сна или для еды (до сна ли и до еды ли в таких случаях?); что людей побуждает к деятельности не один только экономический фактор; но что вместе с тем роль всех факторов, обуславливающих собою их поступки, — какова бы ни была природа этих факторов и каков бы ни был характер обусловленных ими поступков, — определяется в последнем счете теми взаимными отношениями, в которые становятся люди в / общественном процессе производства. Возвращаясь, для примера, к изображенной Г. И. Успенским Марфе, мы скажем, что если бы она даже совсем забывала о сне и еде, и если бы материнство, вместо животного инстинкта, вызвало в ней самые возвышенные чувства, то оказалось бы при некотором внимании, что и эти чувства являются в последнем счете продуктом указанных отношений. То же и со старухой, оплакивающей смерть своего сына. Если бы она в своей скорби, совсем позабыла о том, что трудно жить без «дровец» и без «шубушки», т. е. если бы над нею в это время совсем не имел силы экономический фактор, то это еще вовсе не означало бы, что нет никакой генетической связи между / ее материнской любовью и общественными отношениями производства.

Скажем же самое другими словами: ведь наши противники очень недогадливые люди и им надо много-много раз повторять одно и то же.

Из того, что говорят эти господа о значении экономического фактора, видно, что по крайней мере некоторые из них понимают под ним деятельность, направленную на удовлетворение материальных потребностей человека. Но сторонники материалистического взгляда на историю никогда не говорили, что этого рода деятельность исчерпывается вся деятельность общественного человека. Они прекрасно знают, что кроме экономического фактора (понимаемого в этом смысле) существует множество других. Они говорят только, что если мы хотим выяснить себе историческое значение всех этих факторов, то мы должны прежде всего изучить историческое развитие взаимных отношений людей в общественном процессе производства, так как именно этими отношениями обясняется значение каждого отдельного фактора, а изменения этих отношений являются последней причиной того, что пределы и интенсивность влияния всякого данного фактора почти постоянно изменяются в ходе исторического развития человечества.

/ Выразим это еще иначе: понятие «экономический фактор» не покрывает собою понятия: взаимные отношения людей в общественном процессе производства. Первое из этих понятий гораздо уже второго ¹⁾.

¹⁾ Приводим вариант этого места. Первая половина его до незаконченного слова «истории...» — помещается на стр. 61 и зачеркнута, вторая составляет начало незаконченной стр. 62, имеющейся в двух экземплярах.

< Вот в этом смысле я и сказал, что с точки зрения материалистического взгляда на историю нельзя приписывать экономическому, — как и всякому другому — фактору, господствующее или преобладающее значение, что нельзя видеть в нем силу, будто бы определяющую собою историю> ческое движение человечества А изо всего этого следует, что понятие: экономический фактор вовсе не покрывает собою понятия: взаимные отношения людей в общественном процессе производства; что первое из этих понятий гораздо уже второго.

Г. Михайловский не без юрисдикции удивляется тому, что я в своей статье (Ред.)

Теперь, надеюсь, ясно, в каком смысле я в статье о книге профессора Лабриола сказал, что с точки зрения материалистического взгляда на историю нельзя приписывать экономическому, — как и всякому другому — фактору господствующее или преобладающее значение в общественной жизни, что нельзя видеть в названном факторе силу, определяющую собою все историческое движение человечества. Г. Михайловский поспешил согласиться со мною; но пословица недаром говорит: поспешшиль, людей насмешишь.

Фельетонист «Русского Богатства» замечает, что я, преследуемый мыслью о необходимости ущипнуть гг. Кареева, Кудрина, Кривенко и, наконец, самого г. Михайловского, не удостоил хотя бы только упомянуть о роли способов производства и форм обмена, «этом достаточно, кажется, важном пункте в материалистическом понимании истории». Я очень прошу читателя внимательно отнести к этому замечанию г. Михайловского. Оно чрезвычайно важно.

Излагая взгляд Лабриола, с которым я в данном случае совершенно согласен, я говорю в взвешенной статье:

Люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды. [Нужды эти даются первоначально, конечно, природой; но затем значительно изменяются, в количественном и качественном отношениях, свойствами искусственной среды. Находящиеся в распоряжении людей производительные силы обуславливают собой все их общественные отношения. Прежде всего состоянием производительных сил определяются те отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства, т. е. экономические отношения. Эти отношения естественно создают известные интересы, которые находят свое выражение в праве: «Каждая правовая норма защищает определенный интерес», — говорит Лабриола. Разятие производительных сил создает разделение общества на классы; интересы которых не только различны, но во многих, — и при том самых существенных отношениях, — диаметрально противоположны. Эта противоположность интересов порождает враждебные столкновения между общественными классами, их борьбу. Борьба приводит к замене рода в ой организации государства иной, задача которой заключается в охранении господствующих интересов. Наконец, на почве общественных отношений, обусловленных данным состоянием производительных сил, вырастает обычная нравственность, т. е. та нравственность, которая руководит людьми в их обычной житейской практике] ²⁾.

Г. Михайловский читает это, но он не находит тут слов: способы производства и формы обмена и потому он не удовлетворен; он недоумевает, куда я девал «этот достаточно кажется важный пункт». Но что же такое этот пункт и что такое способы производства и формы обмена? Это именно — те отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства. Стало быть я «удостоил» / упомянуть об этом важном пункте. Удостоил. И не только удостоил, но и притискал ему всю подбирающую ему важность. Чем же смущается г. Михайловский? Тем, что я употребил не те слова, к которым он привык. Если бы он знал >²⁾, какое понятие связывается с этими словами, то он, конечно, сейчас же понял бы, что я говорю именно о способах производства и о (вытесненных из них) формах обмена. Но он заучил только слова, оставаясь в пол-

¹⁾ В рукописи «Люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды и т. д. Новое Слово, стр. 79—80.

Цитата взята из статьи Н. Каменского (Плеханова) «О материалистическом понимании истории». «Новое слово», 1895 г., кн. 12, сентябрь, стр. 70—98. Собр. соч.: т. VIII, стр. 250.

Ввиду отсутствия указания в рукописи, цитируется до конца абзаца. (Ред.).

²⁾ Место, заключенное в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто. (См. двойную нумерацию стр. 63—17 и 64—19). (Ред.).

ной неизвестности насчет их смысла. Поэтому он немедленно попался впросак, как только я заговорил другими словами! Вот так оказался! Как тут не восхлипнуть с Бобчинским: Чрезвычайное происшествие! И как не приводить с Добчинским: Неожиданное известие! По поводу моих щипков г. Михайловский вспоминает анекдот о танцоре, умевшем танцевать только от печки. Мне сдается, что он гораздо больше походит на этого танцора. В самом деле, заучить на память известные слова, не понимая их смысла, требовать от своих противников, чтобы они всегда говорили именно этими бесосмысленно заученными словами и сбиваться с толку, когда они иначе выражают те же самые понятия, именно это-то и называется танцевать только от печки и не быть в состоянии двинуть ногою в том случае, когда вместо печки приходится поместиться, например, около двери. Ай-ай! Ну и попался же г. Михайловский!

«К нам неоднократно, устно и письменно, обращались с вопросами, почему [мы оставляем без возражения многочисленные выходки журнала «Новое Слово» пристав нашего журнала или его отдельных сотрудников]»¹⁾, — говорит г. Михайловский. Надо думать, что после отмеченного нами происшествия еще никто не станет побуждать к полемике с нами. Теперь уже всякий увидит, что в этой полемике / он может только mit Worten krammten/. Правда, еще известный Лисков в своей книге «Über die Nothwendigkeit und Vortrefflichkeit der elenden Sribenten»²⁾ говорил, что «гораздо легче и естественнее писать пальцами, чем головою». Но Лисков любил парадоксы; этот чудак уверял, например, что лучше всех пишет тот, кто совсем не думает. С эти наверно не согласятся те наивные люди (может быть «субъективные юноши»), которые взывали к г. Михайловскому: «вызыбай, боже!».

В своем знаменитом предисловии к книге «Zur Kritik der politischen Oekonomie»³⁾ Маркс говорит «В общественном производстве / своей жиз-

¹⁾ В рукописи: «К нам неоднократно, устно и письменно, обращались с вопросами, почему и т. д. «Русское Богатство», стр. 180, до слов сотрудников». Цитата взята из обозрения Н. К. Михайловского — Литература и жизнь. О новых словах в «Новом Слове» — Русское Богатство, 1897 г., кн. 10, стр. 161—162. Цитируется по указанному источнику. В собр. соч. Н. К. Михайловского т. VIII, стр. 688. (Ред.).

²⁾ Орудовать словами.

³⁾ О необходимости и превосходности горемычных писателей.

⁴⁾ К критике политической экономии.

⁵⁾ Стр. 67 в двух вариантах, при чем второй помечен цифрой 22 (см. двойную нумерацию страниц всего этого отрывка).

Приводим этот вариант:

«[В общественном производстве] своей жизни люди наталкиваются на известные, необходимые, от их воли независящие отношения — отношения производств, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих отношений производств составляет экономическую структуру общества, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка» (Бельтев, стр. 150).

В своей статье о материалистическом понимании истории я писал, изложив взгляды Лабриола, с-которым я тут совершенно согласен: «Итак, люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды. Нужды эти (даются первично, количественно, природой); но затем значительно изменяются в количественном качественном отношениях свойствами искусственной среды. Находящиеся в раковинах людей производительные силы обуславливают собой все их общественные отношения. Прежде всего состоянием производительных сил определяются отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства, т. е. экономические отношения. Эти отношения есть естественные, создают известные интересы, которые находят свое выражение в праве: «Правовая норма защищает определенный интерес», — говорит Лабриол. Развитие производительных сил создает разделение общества на классы, интересы которых не только различны, но во многих, — и при том самых существенных отношениях, — диаметрально противоположны. Эта противоположность интересов

люди наталкиваются на известные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — отношения производств, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих отношений производств составляет экономическую структуру общества, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка». Как видите, тут ни слова нет «о роли способов производства и форм обмена», этом, достаточно, кажется важном и проч. Что за чудеса? Отчего же это Маркс «не удостоил»? Да оттого же, отчего «не удостоил» и я: оттого, что способы производства и формы обмена и составляют отношения производств, как выражается Маркс, или взаимные отношения людей в общественном процессе производства, как выразился я словами, которые употребляет тот же Маркс в других местах для обозначения того же понятия. По Марксу, совокупность отношений производств доставляет экономическую структуру, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка. Я же говорю, излагая взгляды Лабриола, — с которым я, повторяю, совершенно согласен в этом случае — что взаимные отношения людей в процессе производства, «т. е. экономические отношения», не способствуют и не обуславливают собою право, государственный строй и нравственность всякого данного народа, а посредством обуславливают собою, кроме того, «все создания мысли и воображения: искусство, науку и т. д.». Не правда ли, это то же самое, что говорит автор «Zur Kritik der politischen Oekonomie»? А г. Михайловский пишет: «В самой статье г. Каменского ни одним словом не упоминается, есть ли в книге Лабриола страницы, посвященные оценке исторической концепции Маркса-Энгельса. Казалось бы об этом следовало хоть вскользь упомянуть. Но г. Каменский (69) 23 предпочитает тратить время на щипки». В основных своих взглядах на историю Лабриола целиком стоит на точке зрения Маркса-Энгельса: Кто понимает историческую концепцию этих двух мыслителей, тому достаточно прочесть вышеизденные строки из моего изложения взглядов Лабриола, чтобы убедиться в этом. Но г. Михайловский не понимает этой «концепции», хотя и оспаривает ее, потому он и не узнал ее, не встретив в ее изложении некоторых слов, заученных им без всякого смысла. Ну как же тут не восхлипнуть словами Бобчинского: чрезвычайное происшествие! И как не приводить вместе с Добчинским: неожиданное известие!».

Но зачем же вы заговорили не теми словами, к которым я привык, — скажет, может быть, г. Михайловский? Отчего вы прямо не сказали, что Лабриола стоит на точке зрения Маркса-Энгельса? — Это уж мое дело, отвечу я ему. Может быть я именно на то и рассчитывал, что вы запутаетесь в незнакомых вам словах и тем покажете всей нашей читающей публике, что

появляются враждебные столкновения между общественными классами, их борьбу. Борьба приводит к замене родовой организации государственной, за счет которой заключается в охранении господствующих интересов. Наконец, на основе общественных отношений, обуславливаемых данным состоянием производительных сил, вырастает обычная нравственность, т. е. та нравственность, которая руководит людьми в их обычной житейской практике». («Новое Слово», стр. 80, отмеченные места).

Пониманию, можно было бы надеяться, что всякий мало-мальски образованный читатель тотчас же заметит полное тождество этих взглядов со взглядами Маркса. Но г. Михайловский его не замечал. Он не без ехидства говорит: «В самой статье г. Каменского ни одним словом не упоминается, есть ли в книге Лабриола страницы, посвященные оценке исторической концепции Маркса-Энгельса. Казалось бы об этом следовало хоть вскользь упомянуть».

³⁾ Стр. 69 (23) является до некоторой степени повторением стр. 64 (19) рукописи. Особенно странным кажется повторение восхищения о Бобчинском и Добчинском. Несмотря на эту небольшую неувязку, оставляем это место, как оно написано у Паскевича, так как рукопись, в том виде, как она восстановлена нами, читается, как сплошной непрерывный текст. Выкинув из нее 69 стр., мы нарушили бы

у вас с затверженными вами терминами не связывается никаких понятий. Всякий согласится, что если я действительно рассчитывал так, то последние оправдали мой расчет. А я, грешный человек, и в самом деле рассчитывал на неблагородную горячность г. Михайловского.

Когда г. Михайловский говорит об «исторической концепции Маркса-Энгельса», то он произносит слова, лишенные всякого определенного смысла. Это доказывается еще тем его убеждением, что сторонники / этой концепции строят историю на саморазвитии форм производства и обмена. Выше я сказал, что если бы кто-нибудь обявил подобное «саморазвитие» бессмыслицей набором слов, то я не стал бы спорить и преклонившись, теперь я скажу, что это действительно так, что, говоря о саморазвитии называемых форм, г. Михайловский опять не связывал со словами никаких понятий, опять обнаруживал «несчастье своего рассуждения».

Формы производства и обмена—то же, что экономические отношения, а экономические отношения—это не более и не менее, как взаимные отношения людей в общественном процессе производства. Поэтому развитие форм производства и обмена означает лишь изменение взаимных отношений людей в названном процессе. А из этого следует, что / нет и не может быть такого развития форм производства, в котором не участвовали бы люди, и что говорить об их саморазвитии, как о процессе, который совершается «сам собою», т.-е. помимо людей, могут только те, которые ничего не поняли ни в экономическом, ни в историческом учении Маркса.

Но почему же изменяются взаимные отношения людей в общественном процессе производства? Маркс отвечает на это очень ясно. Оттого, что изменяется состояние производительных сил. «Из этого видно,—справедливо замечает г. Бельтов на 178 стр. своей книги, [что только в популярной речи можно говорить об экономии, как о первичной причине всех общественных явлений. Далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, «функция производительных сил»] ¹⁾.

/ В своей статье о материалистическом понимании истории я выразил ту же самую мысль и почти теми же самыми словами: «По учению новейших материалистов [человеческой природе соответствует в ся к и й экономический порядок, соответствующий состоянию производительных сил в данное время. И наоборот, любой экономический порядок начинает противоречить требованиям этой природы, едва только он приходит в противоречие с состоянием производительных сил. «Господствующий» фактор сам оказывается, таким образом, подчиненным другому «фактору». Ну, а после этого как же он «господствует у щи?»] ²⁾.

Это чрезвычайно важный «пункт» в «исторической концепции» современных материалистов и по поводу его не мешает сделать некоторое «расяснение». Если бы экономические отношения были последней, основной причиной всех общественных явлений, то / невозможно было бы понять, откуда

¹⁾ В рукописи: «Из этого видно,—справедливо замечает г. Бельтов на 178 стр. своей книги,—что только в популярной речи можно говорить об экономии как о первичной причине и т. д. до конца отрывка.

Цитируется по первому изданию Бельтова, СПБ. 1895.
В собр. соч. Плеханова см. т. VII, стр. 197. (Ред.).

²⁾ В рукописи: В своей статье о материалистическом понимании истории я разделил ту же самую мысль и почти теми же самыми словами: «по учению новейших материалистов и т. д., стр. 71 до конца, до слов: он «господствующий»?

Цитата взята из статьи Н. Каменского (Плеханова) «О материалистическом понимании истории» — Новое слово, 1897 г., № 12, сентябрь, стр. 70—98.

Страница в рукописи указана ошибочно. Цитируемое место находится не в 71, а на 77 стр.

В собр. соч. Плеханова, см. т. VIII, стр. 246. (Ред.).

является у цивилизованного человечества возможность современем отделаться от этих отношений. Но так как экономические отношения сами являются результатом данного состояния производительных сил, то все дело очень легко обясняется. Буржуазные отношения прочны лишь там и лишь до тех пор, где и пока они соответствуют состоянию производительных сил общества; когда исчезнет это соответствие,—исчезнут и буржуазные экономические отношения. Оно исчезнет, конечно, не сразу; его исчезновение есть целый процесс, который уже начался в передовых странах Европы и который налагает очень заметную / печать на внутреннюю жизнь западно-европейских обществ и на взаимные отношения различных общественных классов. Орудием устранения отжившей экономической структуры является там политическая деятельность. Таким образом, политический «фактор», сам выросший на почве буржуазных экономических отношений и когда-то содействовавший их дальнейшему развитию, становится необходимым и сильнейшим средством их гибели; едва только общественные производительные силы перестают эти отношения. Таким образом человечество переходит в новую fazu экономического развития.

Что же такое политический фактор? Это деятельность людей, направленная к достижению различных / (экономических, правовых, нравственных) целей и опирающаяся на существующее в данное время соотношение общественных сил, т.-е. сил различных общественных классов и слоев. Таким образом мы в политике, как и в экономии имеем дело лишь с общесвенными отношениями людей. Одни и те же люди создают одною стороны своих отношений экономическую структуру общества, а другою стороною—его политический строй. Поэтому я имел полное право сказать, что люди делают не несколько [отдельных одна от другой историй—историю права, морали, философии и т. д.—а одну только историю своих собственных общественных отношений, обусловливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время. Так называемые идеологии представляют собой лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории] ³⁾.

< С точки зрения этой «концепции», которая есть не что иное, как «историческая концепция Маркса-Энгельса», различные «факторы» представляются совсем не в том > ²⁾ / виде, какой они получают благодаря ¹⁾ другим «концепциям». Эклектики, умственные ресурсы которых не позволяют им пойти дальше той мысли, что каждый фактор влияет на все остальные и в свою очередь испытывает на себе их влияние, решительно не могут ответить на вопрос о том, откуда же берется эта система сил, действующих одна на другую, и чем определяется величина и значение каждой из них. Поэтому они изображают дело так, как будто каждый фактор—экономия, право, мораль и т. д.—развивается сам из себя, как некая отдельная субстанция, хотя и испытывающая на себе влияние других отдельных субстанций, но имею-

¹⁾ В рукописи: Поэтому я имел полное право сказать, что люди делают не несколько и т. д. «Новое Слово», стр. 98.

Цитата взята из статьи Н. Каменского «О материалистическом понимании истории». «Новое Слово», 1897 г., № 12. Собр. соч., т. VIII, стр. 270. (Ред.).

²⁾ Слова, заключенные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты. (Ред.).

³⁾ Приводим второй вариант той же 77 стр.: ...виде, какой они получают благодаря другим «концепциям». Экономические отношения и политический строй данного общества, его право, мораль, наука, искусство прежде, чем стать фактами,—т.е. прежде, чем так или иначе влиять на дальнейшее развитие общества—являются фактами, требующими своего обяснения. Где искать его? В состоянии общественных производительных сил, отвечают современные материалисты. Правы ли они? По-моему, они совершенно правы, по делу не в том, правы они или нет, а в том, что...

щих также.

⁷⁸) или / общественной мысли и таким образом стал бы оперировать с простой абстракцией.

Излагая взгляды, с которыми я и в этом случае был совершенно согласен, я писал: как бы ни была законна [и полезна в свое время теория факторов, она не выдерживает теперь критики. Она расчленяет деятельность общественного человека, превращая различные ее стороны и проявления в особые силы, будто бы определяющие собою историческое движение общества. В истории развития общественной науки эта теория играла такую же роль, как теория отдельных физических сил в естествознании. Успехи естествознания привели к учению об единстве этих сил, к современному учению об энергии. Точно так же и успехи общественной науки должны были повести к замене теории факторов, этого плода общественного анализа, синтетическим взглядом на общественную жизнь].³⁾ Г. Михайловский вообразил, что я возвращаюсь к тому, свойственному всем эклектикам, учению о «факторах», которое не идет дальше указания существующего между факторами взаимодействия. Он не заметил или не хотел заметить, что я называю точку зрения взаимодействия мертвотой точкой и говорю, что пока мы...

⁸⁰) / самыми видными представителями и в значительной степени отцами современного диалектического материализма. Я думал, что это последнее обстоятельство известно всем и каждому. Но выходит, что его не знал фельетонист «Русского Богатства». Возможно, что оно неизвестно и еще кому-нибудь. Стало быть мне нужно доказать то, что я считал общественно признанным. Что же, будем доказывать. Не угодно ли г. Михайловскому обратить внимание вот на эти строки, вышедшие из-под пера Энгельса: «Уразумение полной ошибочности [господствовавшего до тех пор в Германии] идеализма должно было неизбежно привести к материализму, но, само собой разумеется, не к простому метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно революционному, простому отрицанию всей протекшей истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества, при чем его задачей является открытие законов движения этого процесса. В противоположность господствовавшему у французов XVIII века и еще у Гегеля представлению о природе, как о всегда себе равном целом, неизменно вращающемся в одних и тех же ограниченных пределах, с вечными мировыми телами,—как учили о них Ньютоны, с неизменными органическими видами, как учили о них Линней,—современный материализм связывает в одну систему все новейшие успехи естествознания, благодаря которым стало ясно, что природа также имеет свою историю во времени, что небесные тела, как и все виды организмов, населяющие их при благоприятных условиях, возникают и исчезают, и что вообще природа движется далеко не в таком тесном круге, как думали раньше. В обоих случаях материализм является существенно диалектическим и делает излишней всякую философию, предъявляющую претензию стать выше других наук»⁴⁾.

³⁾ Страница 78 не найдена. (Ред.).

⁴⁾ В рукописи: как бы ни была законна и т. д. «Новое Слово», стр. 75—76 до слов: «на общественную жизнь».

Цитата из статьи Н. Каменского «О материалистическом понимании истории». «Новое Слово», 1897 г., кн. 12, сентябрь. В собр. соч., см. т. VIII, стр. 245. (Ред.).

⁵⁾ Страница 80 не найдена. (Ред.).

⁶⁾ В рукописи: «Уразумение полной ошибочности и т. д. Развитие Научного Социализма», стр. 21—22 до слов: выше других наук».

Цитируется по книге Фр. Энгельса—Развитие Научного Социализма, Женева, 1892. (Ред.).

Теперь вы видите, г. Михайловский, что по мнению Энгельса современный материализм есть материализм с ущербом диалектический. Но может быть вы усомнитесь в том, что Энгельс был [его] приверженцем. /⁸² Но вспомните, как характеризует он значение своей «исторической концепции».

«Гегель освободил от метафизики [понимание истории,—он сделал его диалектическим,—но его собственный взгляд на нее был идеалистичен по существу. Теперь идеализм был изгнан из его последнего убежища, из области истории, теперь понимание истории стало материалистическим, теперь найден был путь для обяснения человеческого самосознания условиями человеческого существования, вместо прежнего обяснения этих условий человеческим самосознанием]¹⁾.

Кажется, это ясно и понятно. Но может быть вы еще не понимаете, г. Михайловский? Может быть вас смущает употребленный Энгельсом и заимствованный у него итальянским профессором термин: исторический материализм? Я обясню вам, в чем тут дело. Читали ли вы известное полемическое сочинение Энгельса: *Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft?* Конечно, читали, ведь именно оттуда заимствовали мы так сконфузивший вас пример с зерном овса (помните—«момент цветения»?) Итак /^{(83) 38} мы видим, что материалистическое мироощущение Маркса-Энгельса охватывало и природу и историю. И в том и другом случае оно было «существенно-диалектическим». Поскольку диалектический материализм касался истории, Энгельс называл его иногда историческим материализмом. Он употреблял это название не для характеристики своего мироощущения, а лишь для обозначения той области явлений, которую он обясняет. Вот только и всего. Что может быть проще этого! >²⁾.

У Г. И. Успенского в «Разореный» фигурирует ложилой чиновник Павел Иванович Печкин, у которого под неожиданным напором новых жизненных явлений ужасно перепутались все / понятия и представления, вследствие чего он уже не рассуждал и не спорил, а просто кстати и некстати изрекал какую-то сердитую чушь: «Зайдет, например, речь о железной дороге, Печкин брюзжит: «Железная дорога! Ну что такое железная дорога? Железная дорога, железная дорога! А что такое? в чем дело?.. неизвестно!». В последнее время г. Михайловский начинает обнаруживать довольно сильное сродство с этим чиновником. Он брюзжит совершенно как Павел Иванович Печкин. «Диалектический материализм! Ну что такое диалектический материализм? А что такое? в чем дело?.. неизвестно!» Печкин нес свою сердитую чушь оттого, что голова его была, по выражению Г. И. Успенского, разорена современностью до последней возможности.

Неужели голова г. Михайловского находится в том же печальном положении?

Название: диалектические материалисты кажется ему «не клюжим». Может быть это и так, но легко избежать его употребления; можно сказать просто: современные материалисты. Если я до сих пор редко пользовался этим термином, то лишь потому, что я считал нужным оттенить и подчеркнуть характер современного материализма. Теперь эта цель надеюсь достигнута: поэтому теперь вместо: диалектический материализм, диалектические материалисты я могу говорить: современный материализм, современные материалисты.

¹⁾ В рукописи: «Гегель освободил от метафизики и т. д. Развитие Научного Социализма», стр. 23—24 до слов: «человеческим самосознанием».

Цитируется по книге Фр. Энгельса—Развитие Научного Социализма, Женева, 1892 г. (Ред.).

²⁾ Место, заключенное в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто (см. двойную нумерацию стр. 83—88). (Ред.).

(86) 41 / Замечу также, что в терминологии г. Михайловского плохой суды. Еще не так давно он осуждал термин «производитель»; конюшни, мол, пахнет! Что прикажете возразить на это? Со временем в ходе сен-симонистского журнала «Le producteur»¹⁾ в 1825 году термин этот беспрестанно употребляется в Западной Европе и никому конюшни не напоминает. А вот в уме нашего «кающегося дворянина» он вызывает представление о конюшне. Но винить в этом нужно не термин, а вероятно воспитание кающегося дворянина.

Я говорю в своей статье, что по мнению г. Михайловского Луи Блан и Г. Ю. Жуковский были такими же «экономическими материалистами», как и нынешние наши сторонники материалистического понимания истории, и что такое мнение может основываться лишь на крайнем смещении понятия. Г. Михайловский с обычной своею мягкостью выражает: «этот не правда (курсив его), я такого мнения не высказывал». Нет, г. Михайловский, вы его высказали. Вот ваши подлинные слова: «Г. Бельтов говорит о французских историках [и о французских «утопистах», оценивая тех и других в меру их понимания или непонимания экономики, как фундамента общественного здания]. Странны, однако, образом он совсем не упоминает при этом о Луи Блане, хотя одного предисловия к «Histoire de dix ans»²⁾ достаточно, чтобы предоставить ему почетное место в ряду первоучителей так называемого экономического материализма. Конечно, тут много такого, с чем г. Бельтов согласиться не может, но тут есть и борьба классов, и характеристика их экономическими признаками и экономика, как скрытая пружина политики, вообще многое, что позже вошло в состав доктрины, так горячо защищаемой г. Бельтовым. Я потому отмечу этот пробел, что он, во-первых, и сам по себе удивителен и намекает на какие-то побочные цели, не имеющие ничего общего с беспристрастием» (стр. 150)]³⁾. Луи Блану принадлежит почетное место в ряду «первоучителей» так называемого экономического материализма. Прекрасно. Что понимает г. Михайловский под словами: Экономический материализм? «Историческую концепцию Маркса-Энгельса». Отсюда следует, что Луи Блан был одним из отцов этой «концепции». А нынешние наши сторонники материалистического понимания истории придерживаются именно этой «концепции». Стало быть они такие же экономические материалисты, как и Луи Блан, один из их «первоучителей». Кто же из нас говорит неправду?

Зная вас, я заранее вижу тот путь, которым вы постараетесь выйти из неудобного для вас положения. Вы скажете: «Ведь я же заметил, что у Луи Блана много такого, с чем г. Бельтов согласиться не может», вы постараитесь, чтобы у вас вышло так, как поется во французской песенке:

Ils étaient quatre,
Qui voulaient se battre,
Mais y en avait trois,
Qui ne le voulaient pas⁴⁾.

(87) 42 Но ссылка на «многое такое» едва ли убедит того, / кто притопнит ваши слова: но тут есть и борьба классов и характеристика [их] экономическими признаками, и экономика, как скрытая пружина политики, вообще многое, что позже вошло в состав доктрины, так горячо защищаемой

¹⁾ «Производитель».

²⁾ «История десяти лет».

³⁾ В рукописи: «Г. Бельтов говорит о французских историках и т. д. Сборник моей статьи, стр. 239 до конца выписки.

Цитата из статьи Уитса (Плеханова). Несколько слов нашим противникам (Материал для истории цивилизации в русской литературе), напечатанной в сожженном марксистском сборнике: «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». СПБ, 1895, стр. 225—259. Собр. соч. Плеханова, т. VII, стр. 303. (Ред.)

⁴⁾ Было четверо, которые хотели драться. Но трое из них не хотели.

г. Бельтовым⁵⁾). Этих слов нельзя понять иначе, как понял их я, т.е. в том смысле, что поскольку у Луи Блана есть и характеристика классов экономических признаками, и экономика, как скрытая пружина политики и проч., он был таким же экономическим материалистом, как и нынешние наши сторонники материалистического взгляда на историю. Понять вас таким, т.е. совершенно правильным образом, я указал читателям на то, что «экономический материализм» не мешал Луи Блану быть идеалистом по взгляду на историю⁶⁾. И это неоспоримо: Луи Блан действительно был идеалистом. / Но каким же образом идеалист мог быть первоучителем материализма? Это, разумеется, бессмыслица, которой вы не заметили, но на которую я счел нужным обратить внимание читателей, сказав, что даже путаница понятий итти не может. При этом я обяснял, каково было действительное положение дела. Вы ничего не поняли в моем обяснении, поэтому я должен повторить его.

Хотя у Луи Блана была «экономика, как скрытая пружина» и проч. и проч., но для Луи Блана эта экономика, служащая пружиной, сама была лишь функцией «человеческой природы». А пока люди апеллируют к этой природе, как к последней причине общественных явлений,—они так или иначе, прямо или окольным путем / (подобно материалистам-метафизикам прошлого века) приходят к идеалистическому взгляду на историю. Покончить с идеализмом в истории удалось лишь Марксу, который обясняет общественную жизнь не теми или другими свойствами человеческой природы, а свойствами тех взаимных отношений, в которые становятся люди в общественном процессе производства. Эти отношения обуславливаются не природой человека, а состоянием производительных сил. Воздействия на внешнюю природу в качестве производителя, человек изменяет свою собственную природу. / Другими словами, природа людей изменяет⁷⁾ в зависимости от природы их взаимных отношений в процессе общественного производства. Из этого следует один чрезвычайно важный вывод, возможностью которого даже и не подозревает г. Михайловский.

«Экономический фактор», дальше которого ничего не видят в нашей теории наши противники, приурочивается им к одной из сторон человеческой природы: к потребностям «тела»; а умственный и нравственный факторы приурочиваются к потребностям «духа». Если с изменением характера процесса общественного производства изменяется и человеческая природа, то отношение потребностей «тела» к потребностям «духа» не может оставаться

⁵⁾ В рукописи: но тут есть и борьба классов и характеристика и т. д. 239, до слов: защищаемой г. Бельтовым.

Выписка из предыдущей цитаты. В собр. соч., см. т. VII, стр. 303. (Ред.).

⁶⁾ Сделать примечание, отмеченное на стр. 71 моей статьи (Г. П.). Плеханов пишет в виде своей статьи «О материалистическом понимании истории», помещенной в «Новом Слове» за 1897 г., кн. 12, сентябрь, стр. 70—98.

В виду того, что в экземпляре «Нового Слова», имеющемся в библиотеке Плеханова, эта статья вырвана и пометок Плеханова установить невозможно, приводим из 71 стр. то место, которое отвечает по смыслу указаниям Плеханова:

Мы просим читателя заметить, что и для Луи Блана и для Роджерса экономический фактор, господствующий в общественной жизни, сам был, как выражается математика, функцией человеческой природы, а главным образом — человеческого ума и знания. То же надо сказать и об упомянутых нами выше французских историках времен реставрации. Ну, а как называть исторические взгляды людей и утверждающих, что экономический фактор господствует в общественной жизни, но в то же время убежденных, что фактор этот,—т.е. экономика общества,—в свою очередь является плодом человеческих знаний и понятий? Такие взгляды нельзя назвать иначе, как идеалистическими. Выходит, что экономический материализм еще не исключает исторического идеализма. Да и это еще не совсем точно; мы говорим: еще не исключает идеализма, а следует сказать: может быть, и до сих пор чаще всего бывал производство его разновидностью. В собр. соч., см. т. VIII, стр. 240—241. (Ред.).

93 постоянным. Это мы и видим в истории. / Производительные силы, находящиеся в распоряжении первобытного человека, крайне ничтожны; поэтому самая главная часть его времени употребляется на удовлетворение элементарнейших потребностей «тела»; здесь, стало быть, почти безраздельно господствует «экономический фактор» в смысле, придаваемом этому слову г. Каравеевым. Но по мере того, как развиваются производительные [силы] людей, у них являются все больше и больше времени, которым можно востребовать для удовлетворения потребностей «духа». Таким образом постепенно растут и усиливаются «духовные факторы». Повидимому, можно было бы сказать на этом / основании, что сама история все более и более опровергает «экономический материализм», как учение, провозглашающее господство «экономического фактора». Но это только повидимому. На самом же деле рост и усиление «духовных факторов» есть результат развития общественных производительных сил и тех отношений, в которые, благодаря ему, становятся люди. Таким образом, хотя по мере развития производительных сил [изменяются] взаимные отношения различных факторов, но все они без исключения испытывают на себе определяющее и формирующее влияние процесса развития производительных сил и обусловленного им изменения общественных отношений.

Возьмем пример. Магнат доброго старого времени, имевший, подожги 10 тысяч тягол, получал от них так называемый в науке прибавочный профит⁹⁵ / или (при развитии товарного производства) прибавочную стоимость, которую он и проживал более или менее весело¹). На удовлетворение собственно физических потребностей этого помещика уходила прибавочная стоимость, создаваемая трудом, скажем, 250 тягол. Остальная часть помещичьего дохода шла на поддержание псовой охоты, домашнего театра, собственного оркестра и других затей, удовлетворявших те или другие потребности помещичьего «духа»; значит «экономический фактор», как его понимает г. Каравеев, вовсе не занимает господствующего места между факторами, способствующими потреблению помещичьего дохода. Но несмотря на это, и сам помещик и способы удовлетворения всех его потребностей были / в последнем счете продуктом тогдашних экономических отношений, которые обуславливались тогдашним состоянием общественных производительных сил.

Развитие производительных сил ведет к разделению общества на классы. Низшие классы, с трудом удовлетворяющие самые неотложные потребности своего тела, почти всецело подчинены «экономическому фактору», а высшие, имея много свободного времени, погружаются в искусства, в науки, предаются мечтам и страстям. Они обидаются, если вы подумаете, что экономический фактор играет в их жизни самую главную роль. Мы можем допустить, что они действительно больше думают об искусствах и науках, чем о потребностях тела, но это не помешает нам сказать, что как сами эти высшие классы, так и господствующие в их среде «мечты и страсти», созданы развитием общественных отношений, происхождение которых уже не составляет теперь для нас никакой тайны,

В первой из своих статей о судьбах русской критики я, чтобы выяснить г. Волынскому совершенно неизвестные ему взгляды современных материалистов, указал на ход развития французской живописи. Я вернусь теперь к тому же примеру.

Передо мной на письменном столе лежит превосходная гравюра с картины Буше «Les graces au bain»²) и фотография с картины / Давида: «Le lecteurs rapportent à Brutes les corps de ses fils»³.

¹⁾ Строго говоря, помещику доставалась, конечно, не вся эта прибавочная стоимость. Часть ее доставалась государству, купеческому сословию и т. д. Но все здесь это совершенно безразлично. (Г. П.).

²⁾ «Купающиеся грации».

³⁾ «Ликторы приносят Бруту тела его сыновей».

Памятная извлечено мною из сочинений г. Каравеева определение «экономического фактора», я довольно легко объясняю себе, какое отношение имеют изображенные Буше грации к потребностям «тела», особенно «тела» тогдашнего французского аристократа,—но для меня совсем непонятно, как относится к ним живопись Давида. Как я ни бьюсь над этим вопросом, я не могу разрешить его даже с точки зрения «саморазвития форм производства и обмена», приписанной г. Михайловским сторонникам «экономического материализма». Я не понимаю, как это саморазвитие могло вызвать появление вышеизложенной картины. Как быть? Я развертываю известную историю искусства Любке и нахожу там следующее место:

Bien que la peinture moderne ait abandonné le mode classique beaucoup plus résolument que la plastique ne l'a jamais fait et ne le pourra jamais faire, elle aussi procède en droite ligne du mouvement politique, social et scientifique, qui a marqué les dernières années du siècle passé. C'est la révolution qui a brusquement coupé le fil de la tradition, gracieuse et si française du XVIIe siècle, la plus gracieuse, la plus française. C'est le petit neveu de Boucher — David — qui a passé condamnation sur la peinture des boudoirs et des cabinets d'amateurs pour lui substituer, sur la base de la nature et de l'antique, un art véritablement moral et républicain... David se révèle dès son coup d'essai (le Bélisaire, Louvre, 1781) tel qu'il devait rester toute sa vie: un homme de travail et de réflexions plein de hautes voixées, mais exclusif, à la fois conscientieux et prétentieux, plus maniére dans son genre qu'un Boucher dans le sien, un moraliste enfin, un philosophe plutôt qu'un peintre... Il faut se rapporter aux temps de la révolution pour apprécier à leur valeur ces œuvres, qui nous paraissent théâtrales, pédantes et froides, mais qui étaient autant de révélations pour ses contemporains¹⁾.

... | давала тогда история древнего мира. И вот передовые люди Франции⁽⁹⁹⁾ обращаются к этой истории: вспомните рассказ м-ре Ролан о том, как она в юности зачитывалась Платоном. После этого уже нельзя удивляться тому, что Давид написал своего Брута; не удивителен и тот успех, который имела его картина: не удивительно, наконец, даже и то, что она была лишь выполнением официального заказа. Это последнее обстоятельство хорошо разъясняет Эрнест Шесно. «В последние годы царствования Людовика XVI,—го-

¹⁾ Хотя современная живопись и отказалась от классической традиции несравненно более решительно, чем это сделала и когда-либо сможет сделать пластика, однако и она ведет свое происхождение по прямой линии от политического, социального и экономического движения, которым отмечены последние годы прошлого столетия. Именно революция резко «оборвала» нить изящной, чисто французской традиции XVIII века, самой изящной, самой типичной французской. Внучатый племянник Буше — Давид — был тем, кто осудил будущую и кабинетную живопись аристократов, чтобы заменить ее искусством подлинно добродетельным и республиканским на основе природы и древности... С первого своего опыта (Велизарий, Лувр, 1781) Давид обнаружил себя таким, каким он должен был остаться на всю жизнь: человеком труда и размышлений, полным высоких прозрений, но исключительно добродетельным и в то же время претендентским, более манерным в своем роде, чем кем-нибудь Буше в своем, наконец, моралистом. философом скорее, чем художником... Надо перенестись во времена революции, чтобы оценить по достоинству эти картины, которые кажутся нам театральными, педантичными и холодными, но которые были настоящим откровением для современников.

В рукописи: Я развертываю известную историю искусства Любке и нахожу там следующее место:

Цитата из книги Wilhelm Lubke. Essai d'histoire de l'art. Paris, 1887 (перевод с немецкого), т. II, стр. 437—438. Книга имеется в библиотеке Плеханова с его пометками.

За отсутствием точных указаний у Плеханова, приводим из книги Любке-место, наиболее соответствующее тексту рукописи. (Ред.).

²⁾ Страница 99 не найдена.

101) *ибо / рит он,—всеобщее увлечение древними республиками выдавало в официальном мире живой интерес к художественному воспроизведению—в пластике, живописи и литературе—подвигов греческих и особенно римских героя. Уступая этому направлению французского вкуса, господин д'Анжилье, директор всех королевских зданий, поручил Давиду нарисовать две картины, окончательно упрочившие его репутацию». «Le serment des Horaces»¹⁾ и *Les licteurs rapportent à Brutes les corps de ses fils*²⁾, д'Анжилье был увлечен напором общественного мнения, а направление общественного мнения определилось тогдашними общественными отношениями Франции, которые в свою очередь созданы были развитием производительных сил, глубоко видоизменявшим все ее «экономику». < Но есть в этом деле и другие > / еще неясные для меня «Пункты».*

Указанные причины обясняют мне выбор Давидом сюжетов для своих картин. Но ведь он сделал целый переворот во французской живописи. Неужели к выбору сюжетов сводится все значение этого переворота?

Нет. Дело далеко не в одних только сюжетах: изменилось все отношение живописца к технике своего искусства. Школа, против которой восстал Давид, отличалась страшною манерностью и вычурностью, которые были доведены до последней степени Карлом Ван-Лоо и его учениками. Художественная деятельность Давида была реакцией против этого вычурного направления, / поэтому вычурность и манерность заменились у него суровой простотой³⁾. Но где же можно было искать лучших образцов такой простоты? Опять в древности и опять преимущественно в римской древности, с которой тогда были лучше знакомы, чем с греческой. И вот Давид подражает древним. Но древняя живопись нам мало известна; для новейших народов [скульптура являлась] искусством, наиболее ярко выражавшим эстетические понятия античного мира. Это обстоятельство имело огромное влияние на художественные приемы Давида. Его не даром упрекали в том, что каждая его картина ^{104) 76} представляет собою лишь собрание хорошо нарисованных статуй. < При некотором внимании не трудно видеть, что это обстоятельство обясняет многие недостатки его школы. Конечно, можно сказать, что самым главным ее недостатком было отсутствие в ней очень больших талантов. И этого недостатка конечно нельзя обяснить ни предшествующими состоянием французской живописи, ни характером полученного от древности художественного наследства. Но он очень хорошо >⁴⁾ обясняется тогдашним общественным состоянием Франции, сильно способствовавшим развитию рассудочности, но неблагоприятным для развития художественных талантов. У Давида рассудочность совершенно преобладала над воображением, отчего он, разумеется, много терял как живописец. / Живописцы-романтики бесспорно имели гораздо более художественную организацию, чем живописцы школы Давида. Но романтизм соответствует иной ступени общественного развития Франции.

Итак, переворот, совершенный в живописи Давидом, был лишь художественным выражением освободительной борьбы третьего сословия. Если я знаю, как относится это движение к развитию экономической структуры французского общества, то я умею связать с этим развитием художественную деятельность Давида. <И для выяснения этой связи мне не нужно апеллировать ни к экономическому фактору, как его понимает г. Карапеев, ни к тому

¹⁾ Клятва Горациев.
²⁾ La peinture française au XIX siècle, 3-me éd., p. 10 [Г. П.].
³⁾ «Autant on a été loin dans le contourné le fadement gracieux, autant on n'a voulu réagir dans le simple et l'austère». Arsène Alexandre, Histoire populaire de la peinture, Ecole française, p. 284. [Г. П.].

(Чем дальше заходила вычурность и пошлая изысканность, тем сильнее была реакция в сторону простоты и суровости).

⁴⁾ Место, заключенное в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто. (См. двойную нумерацию стр. 104—75). (Ред.).

43

«саморазвитию» экономических форм, которое совершается будто бы >¹⁾ / появление людей и независимо от их общественных отношений.

А может быть я ошибаюсь, говоря, что художественная деятельность Давида выражала собою общественное движение третьего сословия? Может быть эта моя мысль тюрождена той односторонностью и узостью понятий, в которой гг. эклектики не перестают упрекать современных материалистов? К счастью это не так, к счастью моя мысль не составляет моей исключительной собственности, а принадлежит всем тем, которые хоть немножко знакомы с историей литературы и искусства во Франции прошлого века.

Раскройте хоть Геттнерову «Geschichte der französischen Literatur im achtzehnten Jahrhundert»²⁾. Там вы найдете, во-первых, краткую, но верную / характеристику взаимного отношения с о слов и й, а во-вторых, разъяснение того, в какой мере и каким [образом] эти классовые отношения выражались во французской литературе и во французском искусстве.

Посмотрим сначала, как обстоит дело с сословными отношениями.

«Дворянство все более и более разлагается и дичает, буржуазия крепнет и приобретает непредвиденную прежде силу и значение... Рядом с развернутым дворянством неожиданно становится молодое и сильное среднее сословие, заслуги и требования которого с каждым днем становятся важнее и настойчивее»³⁾.

Хорошо. Как влияют эти сословные отношения на психологию третьего сословия?

Оно начинает восставать против привилегий дворянства, роптать на сословные подразделения. Неудовольствие / вызываемое в нем этими привилегиями и подразделениями, становится все сильнее и сильнее и порождает учение об естественном равенстве всех людей, с точки зрения которого старые нормы права и старый государственный быт оказываются, конечно, совершенно несостоятельными⁴⁾.

Как же отразилось это настроение в литературе и искусстве? Отчасти мы уже знаем—как Рас / пространение учения об естественном равенстве было делом литературы. Но может быть вы хотите знать, что происходило тогда собственно в художественной литературе? И на этот счет вы найдете у Геттнера некоторые не лишенные интереса указания.

< Вот что говорит он, например, об эпохе регентства в главе, носящей выразительное название: Die gesellschaftlichen Gegensätze in Kunst und Dichtung⁵⁾.

«Если смысл общественного брожения того времени сводится главным образом к тому, что с одной стороны дворянство дичает и падает, а с другой, напротив, возвышается и приобретает более важное значение среднее сословие»,—говорит он—то / те же два течения замечаются и в поэтических изображениях тогдашних правов. Одно воспроизводит легкомысленную жизнь высшего общества; другое описывает борьбу и приключения, радости и безумства поднимающейся буржуазии. Наиболее заметными представителями первого является аббат Прево, Кребильон младший и Грессе; представителями второго служат Мариво, Детуш и Нивель де ля Шоссе⁶⁾.

Указанные общественные противоположности отражаются не в одной поэзии.

¹⁾ Место, заключенное в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто. (См. двойную нумерацию стр. 106—76). (Ред.).

²⁾ Есть русский перевод. [Г. П.].

³⁾ История французской литературы в XVIII столетии.

⁴⁾ Стр. 66 и 72 (я цитирую по Брауншвейгскому изданию 1881 года). [Г. П.].

⁵⁾ Ibid., стр. 76—77. [Г. П.].

⁶⁾ Общественные противоречия в искусстве и поэзии.

⁷⁾ Ibid., S. 100. [Г. П.].

Испорченные нравы и вкусы дворянства выразились в картинах Буше¹¹¹ Ван-Люо, а / выразителем в живописи стремлений, представителями которых в литературе были Мариво, Детуш и Нивельль де ля Шоссэ, был Шардэн. Жанр в живописи и чувствительная («слезливая») комедия порождены были одним и тем же движением среднего сословия^{1).}

С этим взглядом немецкого историка литературы полезно будет сопоставить взгляд французского критика Брюнетьера.

Говоря о происхождении «мещанской драмы» (т.-е. той же «слезливой комедии») и указав на свойственную тому времени чувствительность — черту, которую тоже не трудно обяснить тогдашними общественными отношениями — Брюнетьер продолжает.

¹¹² / «Не забудьте последней черты: мы находимся в XVIII веке, после крушения банка Лоу, когда, как вы знаете, почва все более и более ускользает из-под ног аристократии. Этот класс делает все от него зависящее, чтобы дискредитировать себя. Больше всего он разоряется, а соответственно этому буржуазия, третья сословие, становится богаче, приобретает более важное значение и новое понятие о правах, которые должны принадлежать ей. Неравенство становится для нее более обидным, злоупотребления более возмутительными...»

¹¹³ Могла ли она не воспользоваться при этом такими средствами пропаганды?... Еще того более: могла ли эта уже торжествующая буржуазия довольствоваться вечным изображением на сцене императоров и королей, так сказать, не воспользоваться своими сбережениями для того, чтобы занять свой собственный портрет?²⁾.

Слезливая комедия,—точно так же, как и картина Шардэна—не была созданием экономического фактора в Карреевском смысле: она явилась вовсе не для удовлетворения потребностей «тела». Точно так же не была она создана и тем саморазвитием форм производства и обмена, какое придумано было ¹¹⁴ г. Михайловским. Она не имеет никакого прямого / отношения к самым этическим формам, ни к их непостижимому «саморазвитию». Экономическое развитие Франции создало более высокое общественное положение для некогда униженной буржуазии; это более высокое положение дало сильнейший толчок развитию ее самосознания, а это самосознание вызвало появление мещанской драмы. В свою очередь этот род драматических произведений содействовал дальнейшему развитию самосознания буржуазии, которое было необходимо для устранения отживших общественных отношений производства, мешавших дальнейшему развитию производительных сил. Такова истинная связь событий.¹¹⁵ / Тому, кто понял ее, нет надобности всюду лезть с экономическим фактором для того, чтобы уметь обяснить связь духовной «надстройки» с экономическим развитием данной страны^{3).}

К впервые публикуемой статье Г. В. Плеханова „Об экономическом факторе“

(Первоначальной, редакции).

A. Таксер.

Борьба за марксистско-ленинскую философию против двух потоков реалистического искажения ее как со стороны механистов, так и со стороны идеалистов со всей остротой поставила вопрос о соотношении Плеханова и Ленина, как философов-марксистов, о необходимости критического разбора плехановского наследства в свете указаний, оставленных Владимиром Ильичем как в отношении его теоретических, так и политических позиций, о необходимости изучения связи между политическим оппортунизмом Плеханова и его теоретическими ошибками. Некритическое отношение к ошибкам Плеханова, противопоставление его как теоретика—«практику» Ленину и слизывание этим ленинского этапа в развитии диалектического материализма, было присуще не только деборинцам в области философии. Ряд других теоретических участков проявлял такое же отношение к Плеханову. Понимание Плеханова как одного из лучших представителей марксизма эпохи II интернационала возможно только при серьезной критической разборке его наследства, при критическом отсевании того, что является в его наследстве «лучшим в литературе марксизма», от его грубейших теоретических ошибок, тесно связанных с его тактическим и организационным оппортунизмом.

В этом отношении вариант статьи Плеханова «Об экономическом факторе», публикуемый впервые в нашем журнале, является лучшим подтверждением правильности борьбы, проведенной на философском фронте с деборинцами по вопросу об отношении к Плеханову. Эта статья дает ключ к разрешению целого ряда вопросов, которые были раньше недостаточно ясны, освещает их с новой стороны и вскрывает некоторые корни как теоретических ошибок Плеханова, так и его тактического и организационного оппортунизма.

Плеханов, блестяще дравшийся с народниками, провел большую борьбу и со всякого рода ревизионистскими течениями (Бернштейном, Кондр. Шмидтом, Струве, махистами). Но в то же время необходимо отметить, что он с большими колебаниями брался за оружие для борьбы с прежними единомышленниками или союзниками, подвергал их главным образом «логической» критике, не вскрывая в необходимой степени связи их теоретических позиций с классовыми корнями, с их практическим оппортунизмом и изменой пролетарскому движению. Он выступал с запозданием, после длительных уговоров и убеждений. И после этого все же выступал так, что Владимир Ильич (допустим, в отношении его критики махистов) принужден был заявить, что Плеханов, будучи «всесильно прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это конкретно, обстоятельно, просто... И я во что бы то ни стало скажу это по-своему»

¹⁾ Ср. стр. 121, 228 и 334. [Г. П.].

²⁾ Les époques de théâtre français. [Г. П.].

³⁾ Продолжением текста стр. 115 является набросок дальнейшего плана статьи. Приводим его:

«Упомянуть о том, что Михайловский не любит сам-мой, сам-мой. Тем же для него. К тому же неизлечимый был эклектик и разыскивал в сущности только наилучшую формулу духовного прогресса. О Жуковском выгородить Боровского.

О Жуковском и Туган-Барановском см. в окончательной (у нас первой) редакции настоящей статьи. Страницы рукописи 56—58 и 86. (Ред.).